

ВЛАДА АСТАФЬЕВА

A woman's face is superimposed on a forest scene at night. The forest is illuminated with a warm, golden light, possibly from a fire or a light source within the woods. The woman's face is partially obscured by the trees and the overall atmospheric lighting.

**МАЛАХИТОВЫЙ
ЛЕС**

**ЗАПАДНЯ ЗАХЛОПНУЛАСЬ, И УЖЕ НЕВОЗМОЖНО ПОНЯТЬ,
КТО ОХОТНИК, А КТО ДИЧЬ.**

— Д Е Т Е К Т И В - Т Р И Л Л Е Р —

Влада Астафьева
Малахитовый Лес
Серия «Детектив-триллер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67957292

Малахитовый Лес: [роман] / Влада Астафьева.: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-150342-0

Аннотация

Малахитовый Лес – затерянный в глуши поселок, способный изменять судьбы. Там, прячась от мира, живут художница, обреченная носить маску до конца своих дней, композитор, который боится людей, настоящие гении и купленные «звезды».

Тори приехала в Малахитовый Лес для того, чтобы выполнить непростое задание и, вместе с тем, раскрыть тайну собственного прошлого. Она еще не знает, что сама стала объектом охоты, и смерть уже дышит ей в затылок.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	31
Глава 4	51
Глава 5	65
Глава 6	81
Глава 7	91
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Влада Астафьева Малахитовый Лес

© Астафьева В., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

День выдался прекрасный, солнечный, и портило его лишь одно: мужчина с ружьем, метавшийся по душным коридорам офисного здания.

Он проверял каждую дверь, попадавшуюся на пути. Врывался в те, что были открыты, но обычно никого там не находил – залы пустовали. А вот те кабинеты, в которых кто-то еще был, оказались предусмотрительно заперты. Весть о том, что в здание проник какой-то пьяный псих с ружьем, быстро распространилась по этажам. Все, кто успел сбежать, давно уже стояли на улице и снимали происходящее на мобильные телефоны. Те, кто сбежать никак не мог, заперлись, затаились, не говорили и старались не дышать. Многие плакали и вскрикивали, когда ручка двери в их кабинет начинала шумно дергаться.

Мужчина пока не пытался выбить створки – только это сохраняло хоть какое-то подобие безопасности. Все прекрасно знали: раздолбанные пластиковые двери и дешевые замки надолго его не задержат. И все предпочитали не думать об этом, потому что и так страшно до слез, до истерики, до сгрызенных ногтей.

Человек этот, ворвавшийся в самый обычный офисный день, не скрывал, что ему нужно, он с первых минут вопил: – Где она? Где эта стерва? Выходи, тварь, и я тебе башку

разнесу! Иди сюда! Что, не такая смелая же?

Эти крики могли рассказать дрожащим от ужаса обитательницам офиса лишь одно: мужчина пьян. Больше они ничего не знали, потому что имя дамы, спровоцировавшей охоту, он так ни разу и не назвал. Из-за этого они наверняка думали, что какой-то ревнивый муж или покинутый любовник решил отомстить за разбитое сердце. Впрочем, такую ситуацию они нашли бы романтичной лишь на страницах дамского романа. В реальности же, когда люди жались друг к другу под офисными столами, когда задыхались от слез, никто не собирался умиляться глубине любви и силе страсти.

Среди всех женщин, оставшихся в офисе, лишь одна знала, что причиной внезапного помешательства стала вовсе не роль отвергнутого Ромео. Знала эта женщина и то, что тварью, обреченной на смерть, мужчина назначил именно ее.

Так не должно было случиться, ничто не предвещало – не тот типаж. Тори ожидала, что он сначала попытается угрожать ей, потом затаскает по судам, а уже затем, проиграв и растратив последние копейки, отправится в запой. Он не должен был хвататься за ружье... а получилось вот как.

Она его сразу узнала – с первого же вопля. Послушала чуть-чуть, посмотрела на отчаянно дергающуюся ручку и открыла окно. Страха она почему-то не чувствовала и предпочитала даже не думать о нем. Сейчас без страха лучше, легче: руки не дрожат, можно действовать, не дожидаясь, пока дверь разнесет выстрел дробью. У него ведь такое ружье,

охотничье... Про ружье она как раз знала. Не представляла только, что до него дойдет дело.

Тори находилась в кабинете одна – статус начальницы это предполагал. Так что некому было ужасаться ее решению и убеждать ее, что она обязательно погибнет. Снаружи было по-прежнему холодно, солнце подтопило лед, но не убрало его полностью, оставшаяся корка стала еще более скользкой. О чем она только думает? Нужно спрятаться под стол и ждать спасения, как остальные!

Но Тори так не могла. Потому что чувствовала ответственность за случившееся – и потому что никто ее никогда не спасал. Так уж сложилось.

Тори достала из сумки кожаные перчатки, поспешно натянула их, а вот куртку оставила в шкафу: косуха сковывала движения. Открыв окно пошире, Тори осмотрелась и по-кошачьи ловко перепрыгнула на ближайшую трубу. Труба отозвалась низким гулом, разлетевшимся по вытянутому металлическому брюху, и чуть накренилась, но не более – не сорвалась и не собиралась даже. Скобы, удерживавшие ее, были новыми, осенью только поменяли. Тори об этом прекрасно помнила.

Кто-то внизу вскрикнул, от нее требовали быть осторожней и не рисковать понапрасну. Совет совершенно бесполезный, но в опасных ситуациях все почему-то так говорят: будь осторожна! Как будто она сама не знает, что спускаться со второго этажа по заледенелой трубе нужно осторожно. Как

дети, честное слово.

Тори не сомневалась, что ее сейчас снимают не меньше десяти смартфонов. Ее это не волновало, она уже раздумывала над следующим шагом. Хотелось бы, чтобы проблема решилась без нее, однако вряд ли так будет. Капралов не до конца соображает, что делает, принял он знатно, но, увы, застыл на той тонкой грани, когда мозги уже не работают, а тело скачет вполне бодро. В таком состоянии он может расстрелять какую-нибудь несчастную девчонку, которой не повезло быть похожей на Тори.

Когда она спустилась, ее продолжили снимать. Помочь никто не пытался, даже руку не подал, но все расспрашивали, что же там происходит. Видимо, уже подсчитывали прибыль от той славы, что свалится на них после эксклюзивного интервью с женщиной-кошкой, чудом спасшейся от террориста.

Тори всех проигнорировала. Вместо того чтобы в слезах убежать подальше или жаловаться, как ей было страшно, она уверенно направилась ко входу в здание – из которого с таким трудом выбралась. Вот тут какой-то молодчик попытался ее задержать, но Тори умела настаивать на своем, и толпа настороженно шарахнулась. Вдалеке уже слышался вой полицейских сирен, так что продержаться ей нужно было совсем чуть-чуть.

Как она и ожидала, вся охрана офисного центра собралась на первом этаже. Несколько здоровенных детин в форме за-

мерли у мониторов видеонаблюдения и напряженно следили, как пьяный толстяк с ружьем мечется по второму этажу. Отправиться на встречу с ним не рисковал никто, даже те, кому положено было его не пускать. Тори подозревала, что, если бы стрелок этот недоделанный двинулся вниз, охрану бы сдуло ветром секунды за три.

– Погеройствовать никто не хочет? – поинтересовалась она. Охранники, не ожидавшие, что кто-то появится у них за спиной, испуганно шарахнулись.

Тори невольно вспомнила, как многие из них флиртовали с ней и призывно поигрывали мышцами каждый раз, когда она проходила мимо. А оказалось вот как. Мышцы родом из тренажерного зала были похожи на восковые яблоки: выглядит так же, функционал другой.

– Вы что тут делаете? – опомнился один из охранников. – Вы как вообще?.. Вы почему? Бегите, тут опасно!

– Тут как раз не опасно, чего не скажешь о втором этаже, – возразила Тори. – Там сейчас одни девицы остались. А если бы и не девицы – никто из офисных мальчиков бы не пикнул, пиццать полагалось вам.

– Мы не можем вступать в схватку с террористом! – окрысился старший из охранников, в иные дни зачитывавшийся детективами про отважных героев-одиночек.

– Красиво завернули, – оценила Тори. – Только это не террорист. Его зовут Тимофей Капралов, пятьдесят два года. Ружье легальное, охотничье, может быть и не заряжено.

Пятьдесят на пятьдесят. В любом случае он уже бухой и он далеко не ниндзя. Если вы мне поможете, обезвредить его будет не так уж сложно.

– Дамочка, вы в своем уме? Слышите? Полиция наша уже прискакала, это их работа! Скоро сами разберутся!

– Недостаточно скоро. – Тори кивнула на один из мониторов. Там было прекрасно видно, что Капралов устал накручивать ручки и теперь бьется плечом в пластиковую дверь. – Полиция будет тут минут через десять. Эти десять минут еще нужно выиграть.

– Слушай, красавица, ты кем себя возомнила? Ты соображаешь своей башкой...

Он еще что-то говорил, но Тори не слушала, она прикидывала, что делать дальше. Уже очевидно, что охрана ей не поможет, но и мешать не будет – они даже на это не решатся. Выбор за ней: идти или остаться.

Идти не хотелось, она прекрасно знала, что ружье может оказаться заряженным. Не умирать же сегодня, когда наконец солнце показалось, а на следующей неделе, говорят, совсем потеплеет... Не смотреть, как на стены, мимо которых она проходила сотни раз, брызжет ее кровь. Не допускать, чтобы грязный пластиковый потолок стал последним, что она увидит в жизни. Вот что выбрать нужно – ожидание, безопасность, потому что нет ее вины в том, что где-то в недрах башки Капралова кукушка скончалась!

Тори подумала обо всем этом, оправдала собственное без-

действие тем, что тут даже мужики дрожат, и выдала себе разрешение ничего не предпринимать. А потом направилась к лестнице, ведущей на второй этаж.

Но если она знала, куда идет, то Тимофей Капралов даже не думал об этом. Его мир стал узким, темным и каким-то двухмерным. Он не помнил, когда это началось и почему. Кажется, он пил... Он теперь не был уверен даже в этом. В голове шумело так, будто у него в черепе кружил ураган. Этот ураган путал мысли, рвал их, разносил в разные стороны, не давая ни на чем сосредоточиться.

Среди хаоса ясным оставалось лишь одно, одна цель, сияющая огненными буквами на фоне серого шторма: найти и отомстить. Потому что это она, та женщина, во всем виновата. Что бы там ни говорили ему менты с адвокатами, виновата она. Не он же! До того как она появилась, все годами шло хорошо. Но вот пришла она – и его мир рухнул в одночасье.

Он даже имя ее не помнил, оно тонуло в проклятом гуле и взрывах багровых вспышек прямо у него перед глазами. Ему казалось, что это не важно, это не такая уж большая проблема. Он требовал выдать ему двуличную тварь. Капралов считал, что этого определения достаточно: все вокруг должны знать, кто тут двуличная тварь!

Но помогать ему почему-то никто не спешил. С его пути шарахались все, кто его видел, от самой парковки. Неподалеку кричали какие-то бабы, комнаты оказывались то пусты, то заперты... Бесит! Почему мир просто не может быть та-

ким, как надо?

А может, это вообще не его мир. Этот мир, корявый и двухмерный, принадлежит ей, вот почему никто ему не помогает. Если так, то все они виновны – в ее предательстве, в его разорении. Убивать их не только можно, но и нужно, он всему человечеству услугу окажет!

Этим Капралов и собирался заняться. Он направил ружье на ближайшую дверь, ничего уже не требуя и никого не предупреждая. Он прекрасно знал, что, если кабинетик маленький, кто-то может погибнуть после первого же выстрела. Плевать! Пусть судьба теперь решает. Если в мире осталась хоть какая-то справедливость, погибнет эта змея, никто больше не пострадает.

Капралов прицелился, а выстрелить не успел. Сквозь гул в его голове прорвался знакомый голос, в прошлом очаровавший своей мелодичностью, а теперь похожий на змеиное шипение.

– Меня ищешь, Тимофей Иваныч?

Он обернулся так резко, что его повело в сторону, мир стал неустойчивым и как будто мягким, прогибающимся под ногами. Из-за этого Капралову сначала показалось, что перед ним стоят две твари, и непонятно было, в какую стрелять. Но потом мир снова остановился, твари слились, и это оказалась всего лишь она.

Когда-то давно, целую вечность назад, она показалась ему очень красивой. Настолько, что он почти сразу попросил ее

задержаться в его кабинете, запустил ей руку под юбку – ну, как всегда. Как положено. Он же начальник! А она все с такой же чарующей улыбочкой ему пощечину отвесила и упорхнула.

Он тогда решил, что она просто набивает себе цену. Знает, насколько красива – он таких красивых еще не видел! Вот и хочет продать себя подороже, а не раздвинуть ноги на диване в первый же рабочий день, как остальные. Он решил подыграть ей, он готов был торговаться. Ему казалось, что это даже забавно. Откуда же ему было знать, что она ведьма?

– Тебя! – Капралов уверенно направил на нее ружье. – Ненавижу!

– Это я уже поняла. А делать что станешь? Неужели убьешь меня?

Она была спокойна... Почему это она вдруг так спокойна? Капралов не того хотел. Он пришел сюда, чтобы она рыдала, чтобы лизала ему ботинки своим раздвоенным языком, чтобы умоляла его о пощаде. Но она не собиралась рыдать, она стояла посреди коридора, шагах в десяти от него, и уверенно смотрела ему в глаза.

Взгляд был странный. Кажется, он уже видел такой раньше, но не у нее, а у кого-то совершенно другого. Только вот гудящее сознание отказывалось давать ему доступ в собственную память. Это раздражало. Капралову казалось: если он вспомнит, кто на него раньше так смотрел, многое станет ясно.

– Убью, сука! Боишься?

– Боюсь, – кивнула она. – И умирать не хочу. Но я не думаю, что ты меня убьешь.

– Что?! Ты чего это такая борзая?

– Это не я борзая, это ты себя любить привык. Ты уже наломал дров, когда ворвался сюда, и отвечать за это придется. Но ты никого не убил и даже не ранил. Сажать тебя пока не за что, не допускай ошибку.

– Ты охренела?

– Уйди прямо сейчас, – настаивала она. – Я никому не скажу, что ты угрожал мне, отделаешься административкой.

– Пристрелю как собаку!

Крикнул ей – и вдруг вспомнил. Неожиданно, когда поверил, что память утонула где-то в багровом водовороте. Он такой взгляд у зверя видел – но не у собаки, у волка. На зимней охоте пару лет назад, всего один раз, когда они на вышке засели. Волк тогда близко подошел, как будто заметил охотников, и им нужно было стрелять... Но никто почему-то не выстрелил.

Сейчас было точно такое же чувство: как будто на него совсем уж непонятное существо смотрит, и от этого взгляда в весенний день врывается январская вьюга... Эта тварь заявила, что боится и не хочет умирать. Но почему она не выглядит напуганной? Где эти проклятые слезы?

Он не мог это выносить – ни волчий взгляд, ни ее спокойствие. Капралову захотелось доказать и себе, и всему миру,

что это всего лишь продажная девка, точно такая же, как все. Он не выстрелил, он рванулся к ней, ударил наотмашь по лицу прикладом. Получилось не так сильно, как он хотел, руки казались непривычно слабыми и почему-то дрожали. Но и этого удара оказалось достаточно, чтобы она повалилась на пол, а на светлые стены брызнула кровь.

Она упала, но сознание не потеряла – и опять не заплакала, ведьма проклятая! Она почти сразу посмотрела на него, и Капралов увидел, что рассек ей кожу на скуле. Кровь у нее была обычная, красная. А глаза все равно волчьи.

Это позволяло ему убить ее без жалости, уже не человека – чудовище, притворившееся человеком. Он просто не успел. Он слишком много времени потратил на проверку, позволил себе отвлечься, и стало слишком поздно. Какие-то люди навалились на него со всех сторон, прижали к грязному полу, надавили на спину. Орала что-то, ударили пару раз. Он пытался объяснить им, какую ошибку они допускают, но они не слушали. Когда живая стена расступилась и Капралова рывком подняли на ноги, было уже слишком поздно: существо с идеальным лицом и волчьими глазами исчезло.

За тем, как Капралова уводят, а потом увозят, Тори наблюдала из «Скорой помощи». Она считала медицинское вмешательство лишним, но врачи настояли. Она думала, что хватит быстрой перевязки, но ее в итоге утащили в больницу – накладывать швы и проверять, не получила ли она бонусом сотрясение мозга.

Сотрясения не было, и из больницы Тори удрала в тот же день. Внутри поселилась непривычная пустота, появившаяся в тот момент, когда Капралов направил на Тори ружье. Она ведь знала, что он может ее убить, а она должна бояться... Почему же не боялась? Медики сказали, что у нее шок, и рекомендовали остаться под наблюдением. Тори заявила, что никакого шока у нее нет, и в тот момент она даже себе верила. Она бы знала, если бы поддалась шоку, правда?

О том, что у нее выключен телефон, она почему-то вспомнила только вечером, уже в своей квартире. За это Тори тут же была наказана – сотнями сообщений от друзей и коллег, десятками пропущенных звонков. По-хорошему, ответить следовало всем, однако на это не осталось сил. В теплой кухне Тори почему-то стало так холодно, как не было на покрытой льдом трубе – до сведенных мышц, до клацающих зубов. Хотелось забраться в горячую ванну и спрятаться там ото всех, но ее внутренний взрослый победил, заставив ее перезвонить Николаю. Совесть согласилась с тем, что этого разговора будет достаточно, а все остальные подождут до завтра.

Вот только Николай не желал упрощать ей жизнь и делать беседу по возможности короткой. Первые пятнадцать минут он просто орал на нее, а Тори почти не слушала, она отыскала в шкафу плед и завернулась в него, как в плюшевый кокон, однако холод по-прежнему не отпускал.

Утомившись от собственной речи, Николай наконец спро-

сил:

– Как ты вообще связалась с этим психом? Чем ты только думала?

– А он и не псих, – отозвалась Тори. – Подозреваю, протрезвев, он поймет, какие проблемы огреб на ровном месте, и задницу себе откусит. Он был обычным клиентом, и ничего противозаконного я не делала.

Противозаконное делал как раз он. Задача Тори была проста: ей требовалось устроиться на работу и выяснить слабые места компании Капралова. Она давно уже жила этим – аналитикой, граничащей с промышленным шпионажем. Впрочем, если бы у объекта ее внимания не нашлось никаких прегрешений, выполнить задание Тори было бы очень непросто – такое уже случалось.

Однако контора Капралова в юридическом смысле оказалась построена из соплей и палок. Он жульничал везде, где только получалось, и секрет его успеха таился в том, чтобы вовремя приплачивать аудиторам и прочим «нужным человечкам». Однако Тори уже заплатили совсем другие люди, и ей достаточно было указать на все прегрешения Капралова, которые копились годами, – нисколько не мучаясь угрызениями совести. Его девиз по жизни был прост: «В этой стране все воруют, а я что – хуже?».

Но с его мнением не согласились ни налоговая, ни прокурор. Фирма Капралова унылым бульжником отправилась ко дну, Тори получила вознаграждение от его конкурентов, ко-

торые ее и наняли, и посчитала историю законченной. Она не ожидала, что Капралов узнает о той роли, которую она сыграла в его судьбе, – или что он придет мстить. Неприятно получилось. Но от такого никто не застрахован.

Вот только Николай считал иначе:

– Ты его спровоцировала!

– На что, на алкозабеги с ружьем?

– Ты его предала!

– Уж не знаю, из какого места ты вытянул рыцарский плащ, но засунь его обратно, – посоветовала Тори. – Я устроилась к нему на работу вполне легально и даже не сломала ему руку, когда эта самая рука ломанулась ко мне под юбку. Работала я тоже честно. Ну а то, что я увидела нарушения закона и сообщила, куда следует... Так это называется гражданский долг.

– Хочешь сказать, что, если бы этот твой Капралов не нарушал, ты бы его не подставила?

– А я никого не подставляю, представь себе. Не из благородства, слишком ненадежная стратегия просто. Если бы Капралов работал без нарушений, я бы составила для его конкурентов стратегию, которая позволила бы обыграть его другими путями. Но он значительно упростил мне задачу.

– Тебе совсем не жаль? – поразился Николай. – Он же мог убить тебя! Убить, Вика! Ты сейчас во всех новостях! И что это за игры с трубами? Ты куда вообще полезла?

– Что-то мне подсказывает, что тебя сейчас ни один ответ

не устроит. Ты не мог бы как-нибудь сам поорать в зеркало, а я в душ пойду?

– Эгоисткой была – эгоисткой и останешься, – заключил Николай. – Ты совершенно не думаешь о других! А если эти репортажи увидит Зоя? Что будет с ней?

– Припадок, может быть. Но не из-за того, что я могла умереть, а из-за того, что не умерла.

– Ты совершенно невыносима, ты знаешь об этом?

– Давай вернемся к той реальности, в которой ты не звонишь мне еще месяц, а?

Не дожидаясь его ответа, Тори отключила телефон. Ей все еще было холодно, пустота не отпускала, мысли переваливались тяжело и медленно – но уже появилось предчувствие, что сейчас что-то будет. Кульминация, финал этого проклятого дня. То, что должно было прийти в грязном офисном коридоре перед ружьем, а придет здесь и сейчас.

Она не знала, что именно. Она просто забралась в ванну, больше не пытаясь сдержать дрожь. А потом вместе с водой вдруг хлынули слезы, отчаянные, с рвущими грудь изнутри рыданиями, болезненные, и она поняла, что вот это оно. Конец онемения. Сейчас будет плохо, но все-таки пройдет, а завтра станет легче, потому что этот день закончится.

Она могла умереть сегодня. Вдруг, без причины, могла, не единожды! Но каким-то чудом справилась – и будет жить дальше.

Глава 2

Лев Градов до последнего не был уверен, что это такая уж хорошая идея: переспать с невестой своего брата. Но, еще раз взвесив все аргументы, он решил, что так будет лучше. Во-первых, это покажет Роману, какой нелепый выбор он чуть не сделал. Во-вторых, даст Льву возможность добиться того, что ему нужно. Ну а в-третьих, секс с красивой женщиной в особых причинах и не нуждается.

В том, что Алла согласится, Лев даже не сомневался, заговоздка была вообще не в ней. Когда он принял решение, все оказалось до смешного просто – как он и ожидал. Он ведь с их первой встречи заметил, что возлюбленная брата бросает на него заинтересованные взгляды. С тех пор она оказывалась рядом с ним, стоило им хоть где-то пересечься. За рамки приличия не выходила, но намеки делать умела. Сначала Льву это было попросту неинтересно, а теперь вот пригодилось.

Это не значит, что она потащила его в постель, едва он зашел в гости. Алла даже попробовала поскромничать для приличия, но у Льва на это не было времени: для начала он хотел все успеть в отсутствие Романа, в некотором смысле – потренироваться. Поэтому Лев сделал вид, что уважает скромность потенциальной родственницы. Когда Алла сообщила, что он всерьез собирается уйти, она практически ра-

кетой из платья вылетела.

И вот теперь извивалась под ним, прижималась горячим телом, удивительно красивая, неожиданно свободная. А он уже не думал о том, ради чего пришел и что будет дальше. Это можно будет обсудить позже, решить, рассказывать брату или все-таки подождать, поиграть, что ли... Потом, все потом. Он растворился в моменте, срываясь в эйфорию, затмевающую все вокруг.

Когда приятно долгий момент наслаждения прошел, Лев бегло поцеловал Аллу в губы, потому что это казалось правильным, сдвинулся в сторону, развернулся, чтобы расслабленно лечь на кровать. Расслабление, впрочем, вышло недолгим: его взгляд сразу привлекло светлое пятно там, где должна быть темная дверь и ничего больше.

Но теперь дверь оказалась открыта, а к косяку прислонился Роман, наблюдающий за ними и греющий руки о чашку кофе. Брат не выглядел ни разгневанным, ни оскорбленным – скорее, брезгливым, словно обнаружил в своей постели обгадившегося бродягу.

Так не должно было случиться. Все пошло не по плану! Ну, кроме секса – секс Лев спланировал. Но дальше его сценарий шел по-другому: Лев намеревался рассказать брату об Алле, однако уж точно не хотел попадаться так глупо. Романа здесь быть не должно, он утром собирался уехать в командировку!

Видно, отразилось на его лице что-то такое, что позволило

брату догадаться о его мыслях.

– Как в плохом анекдоте, да? – усмехнулся Роман. – Рейс отменили.

– Почему? – только и смог произнести Лев. В нынешней ситуации этот вопрос уверенно мог претендовать на статус тупейшего из всех возможных, но по-другому почему-то не получилось.

– Непогода – ветер сильный.

До Аллы, кажется, только сейчас дошло, что Роман действительно здесь, он ей не мерещится, и ситуация, еще пару минут назад такая приятная, стала необратимо паршивой. Алла поспешила прикрыться одеялом и оттуда пискнула:

– Ромочка!

Ее скромность сейчас смотрелась в равной степени нелепой и раздражающей.

– У вас двадцать минут, чтобы собрать манатки и свалить, – предупредил Роман. – Время пошло.

Сказал – и ушел куда-то. На кухню, кажется. Как будто ему все равно! То есть не совсем, конечно, но и большого внимания не стоит. Так он мог злиться, если бы брат просто использовал его кровать, чтобы поймать какую-то постороннюю телку. Но Алла же была его невестой, женщиной, с которой он собирался связать жизнь! И родной брат.

Все шло вразрез с сутью самого проекта, который затеял Лев.

Принять это было невозможно. Он, конечно, знал, что Ро-

ман со странностями, но не думал, что настолько. Лев почувствовал, как в его душе вспыхивает тот самый гнев, который сейчас должен был испытывать его брат. Он торопливо натянул джинсы и направился следом за хозяином квартиры.

Роман действительно был на кухне – стоял у окна, смотрел во двор, допивал этот свой проклятый кофе.

– Это и все, что ты можешь? – поразился Лев. – Просто меня выгнать?

– Вон пошел.

И снова это непробиваемое спокойствие... Так выгоняют курьера, который явился пьяным, да еще и сожрал все кусочки салями с пиццы. Но никак не предателя, отнявшего самое дорогое!

– Да что с тобой не так? – не выдержал Лев.

Брат повернулся к нему, отставил в сторону уже пустую чашку, смерил его долгим взглядом.

– Я задолбался сегодня, – признал Роман. – И я не хочу тратить слишком много сил на то, чтобы вынести мусор.

Вот это, пожалуй, было самым оскорбительным... и самым жутким. Роман не пытался подобрать слова так, чтобы обязательно задеть брата. Он не боялся драки, он вообще ничего не боялся. Просто Лев для него действительно был мусором, который нужно вынести поскорее – очень уж воняет.

Принимать такое Лев не собирался. Его сейчас не волновало то, с чего началась эта ссора, кто из них виноват и кто там что делал в спальне. Роман просто не имеет права так

себя вести! Собственно, всю авантюру Лев затеял для того, чтобы выбить брата из этого проклятого состояния живого робота. Алла была ему даром не нужна.

Так что оставалось полагаться только на драку. Лев сам рванулся вперед, попытался ударить, но действовал недостаточно уверенно – видно, чувство вины закрепилось где-то в подсознании клещом и отказывалось отпустить. Ошибка, конечно. Хочешь драки – или бей в полную силу, или даже не пытайся, отец их обоих этому учил.

Но сегодня был просто не его день, Лев только так и мог объяснить происходящее. Один из тех дней, когда облажаться можно во всем. Лев окончательно убедился в этом, когда почувствовал, как брат перехватывает и выкручивает его руку. Секунда – и все, он стоит, изогнувшись, посреди кухни. В таком положении особо не подергаешься, если здоровье плеча дорого.

И снова Роман не воспользовался преимуществом, не постарался намеренно причинить ему боль. Он действовал четко и взвешенно: провел брата через коридор и вышвырнул на лестничную клетку. Следом полетела куртка, в которой лежали кошелек, телефон и ключи, потом дверь захлопнулась. Объясняться Роман не стал, да и что тут объяснять? Проект, на который Лев возлагал такие надежды, с треском провалился.

Но если он мог чертыхнуться и раздраженно отправиться домой, то Алле уходить было некуда. Пока братья разго-

варивали, она отчаянно пыталась сообразить, что ей делать дальше, но... Только в кино гениальное решение приходит за минуту. Реальность оказалась сурова.

Когда Роман снова заглянул в спальню, Алла все так же сидела среди простыней, еще хранивших тепло и запах другого мужчины.

– У тебя осталось пятнадцать минут, – предупредил бывший жених.

Спокойно так предупредил, как администратор гостиницы, напоминающий о часе выселения. Почему нельзя наорать на нее? Поддаться эмоциям, сорваться, кричать, потом отвесить ей пощечину, извиниться и обязательно поцеловать ее. Превратить гнев в страсть, повалить Аллу на эту же постель – и позабыть о досадном недоразумении, случившемся сегодня.

Однако Романа, видимо, не прельщала идея стать вторым в очереди – в собственной спальне.

– Рома... но так же нельзя... Я же люблю тебя...

– Даже не начинай, – поморщился Роман. – Уже этот придурак пытался устроить здесь дешевую мелодраму. А я действительно вымотался, и чем быстрее ты свалишь, тем лучше.

Его послушать, так это очень просто – взять и свалить! А куда ты свалишь из своей жизни?

Алла переехала в его квартиру год назад, и ее здесь все устраивало. Она была уверена, что уезжать ей не придется,

а Роман лишь подтвердил это, когда сделал ей предложение. Правда, дату свадьбы они еще не назначили, но какая разница? Все уже решилось!

Она не собиралась менять эти планы на интрижку со Львом. Она просто хотела развлечься, потому что... Да хватало причин. Но при любом раскладе она воспринимала эту связь как небольшое приключение, она прекрасно знала, с каким из братьев оставаться надежнее. Эта квартира была ее территорией, а мужчина, стоящий перед ней, – ее будущим. Не как романтическая иллюзия юной дурочки, а как вполне продуманная инвестиция.

Все не могло рухнуть вот так... но рухнуло.

Роман верно сказал про анекдот.

Сдаваться Алла все равно не собиралась, она слишком далеко зашла, чтобы вот так просто поднимать белый флаг. Она натянула шелковый халатик, висящий у кровати, простыней стерла с лица остатки косметики, бросила беглый взгляд в зеркало – кажется, получилось неплохо. Роман, который снова куда-то ушел, ее манипуляций не видел, у нее все должно было получиться. Алла распустила волосы и теперь казалась хрупкой, трогательно беззащитной, раскаявшейся в той глупейшей ошибке, которую совершила. Когда она нашла Романа в гостиной и снова обратилась к нему, ее голос звенел от слез:

– Прости меня... Я не знаю, что на меня нашло, это было как наваждение!

– Про изнасилование голосить не будешь? – удивился Роман. – Странно. Хотя ты не такая дура, ты прекрасно знаешь, что Лев на это не способен. Да и не нужно тебя насиловать, там получилось бы скорее наоборот.

– Рома!

– Ты собираться все-таки не будешь? Думаешь, я не вышвырну тебя вон в таком виде? Очень зря.

– Но мне некуда идти! Я не хочу, я хочу остаться с тобой!

– Я даже не буду объяснять, почему это невозможно, сама ведь знаешь. – Роман поморщился, как от головной боли. – А идти можешь к кому-то из подружек. Можешь к моему брату. Он жалостливый – навсегда тебя не оставит, но пару раз переночевать позволит.

– Рома, одна дурацкая ошибка не должна рушить год отношений! Наши планы! Наши мечты!

– Про мечты ты, конечно, загнула, а планы можно пересмотреть. В этом нет ничего страшного.

Все это время Алла наблюдала за ним, надеясь заметить сожаление, скрытую боль, горечь предательства. Но за непроницаемым взглядом Романа не таилось вообще ничего... Когда-то ей казалось, что его самодовольное безразличие – это просто ледяная стена, которую можно растопить, добраться до уязвимого нутра, стать желанной и незаменимой... Теперь она видела, что перед ней не лед, а камень.

И вот когда Алла это осознала, она наконец сорвалась:

– Неужели ты не понимаешь, что это все из-за тебя?! С

тобой же невозможно жить! Ты только и делаешь, что работаешь, мне приходится вымаливать твое внимание, за каждую крупицу бороться! А я женщина, мы такого не терпим!

Она делала вид, что задета осколками их любви, хотя по-настоящему Алла злилась на себя. Оставалось потерпеть совсем чуть-чуть, после свадьбы даже разрыв отношений стал бы другим. Но она поддалась – потому что верила, что риск минимален, ведь Роман уехал. У судьбы определенно есть чувство юмора.

Знала ли она, что Роман ее не любит? Да знала, конечно, этот человек вообще любить не умеет. Это ее бесило, у них даже в постели все было неплохо, удовольствие она получала, порой забывалась рядом с ним. Но никогда – ни начиная целовать ее, ни засыпая рядом с ней, – Роман не смотрел на нее как на божество.

А его брат это умел. Лев любил, не любя, он признавался так страстно и целовал ее так отчаянно, что ему невозможно было не верить. Иллюзии тоже прекрасны, это неповторимый аттракцион, на котором нужно время от времени кататься, чтобы не превратиться в унылую тетку.

Однако кружок на захватывающем аттракционе никак не стоил потери роскошной квартиры в центре города и безлимитной кредитки.

- Выговорилась? – невозмутимо поинтересовался Роман.
- Ты должен меня понять! Я нужна тебе!
- Зачем?

– Ты никогда меня не любил, – покачала головой Алла. – И нужна я тебе была не поэтому. Ты просто одобрил меня на позицию жены – как людей в свою компанию нанимаешь! И ты знаешь, что я подхожу лучше всех.

– Нет. Уже нет.

– Только из-за одной ошибки? Я усвоила урок, он не повторится! Боже, да любая женщина выбрала бы твоего брата, а не тебя!

Ей не следовало произносить последнюю фразу, но Алла просто не сдержалась. Его равнодушный взгляд унижал, ей хотелось хоть как-то задеть бывшего жениха. Однако причинить боль камню по-прежнему было невозможно.

– Я знаю, – кивнул Роман. – Я со своим братом подольше твоего знаком. При сравнении все всегда выберут его. В этом было твое преимущество: ты держалась при мне. Я думал, у тебя хватит ума продолжать в том же духе. И если уж говорить о любви, ты тоже не ради нее со мной была.

– Тогда почему мы не можем просто забыть? Притвориться, что ничего не было?

– Ты сама уйдешь или все-таки вызвать охрану?

И ведь этот вызовет... Те люди, которые еще вчера почтительно здоровались с ней при встрече, вышвырнут ее вон, как разбушевавшуюся проститутку. А он будет стоять и смотреть, потому что ни за что не признает: любая согласилась бы переспать с его братом, в этом нет такой уж большой вины. Вообще вины нет, если Алла пообещает так больше

не делать!

Однако объяснять это было бессмысленно, не сейчас так точно. Алла глотала проклятья вместе со злыми слезами. Она и так уже наговорила лишнего, сейчас ей лучше затаить-ся. Шок от того, как нелепо она попала, проходил, к Алле возвращалось здоровое мышление. Она действительно допустила ошибку, но она же эту ошибку исправит.

Не сегодня, увы. Сегодня этот чертов робот только и позволил ей чемодан собрать, а потом выставил вон. Не вызвал ей такси. Не убедился, что ей есть где ночевать, денег не дал. Интересно, карточку хоть не заблокировал?

Стоя на лестничной клетке, Алла пообещала себе, что еще вернется в эту квартиру – хозяйкой, не содержанкой! Она найдет ключик. Как бы Роман ни изображал из себя булыжник, он все равно человек, у него есть слабости, ей только нужно успокоиться и найти к нему новый подход.

И вот тогда, когда он все-таки поддастся, она заставит его пожалеть о сегодняшнем дне. Это была пока еще далекая, но нужная цель – потому что именно она позволила Алле выйти из дома с улыбкой победительницы на губах.

Глава 3

Офис все-таки пришлось сменить. Некоторые считали Тори героиней, но соседки по этажу в большинстве своем не оценили внезапно ворвавшийся в их жизнь триллер. Весть о том, что псих с ружьем как раз за Тори и приходил, быстро перечеркнула часы, проведенные за чаем, и тюльпаны на восьмое марта.

Тори не была ни расстроена, ни оскорблена. По правде сказать, тех, кто оказался настроен против нее, она понимала лучше, чем тех, кто с улыбкой заверял ее, что ничего страшного не произошло. Нет, очень даже произошло – а могло произойти еще больше! Полиция выяснила, что ружье Капралова было заряжено. Это подкорректировало статьи, по которым бывшему бизнесмену предъявляли обвинение, а Тори вынудило купить в домашний бар бутылку коньяка, потому что по-другому в первое время было никак.

Переезд не стал большой проблемой, ей давно уже следовало сменить офис – ее маленькая компания вышла на новый уровень. Просто сниматься с насиженного места всегда трудно, вот Тори и затянула. Но выбор нового офиса стал тем пресловутым добром, без которого нет худа.

Новый адрес на визитках впечатлял партнеров, заказов не стало больше – но они сделались дороже, интересней, и Тори это нравилось. К тому же в ее новом кабинете окна зани-

мали всю стену, иногда можно было отвлечься, отвернуться от стола и просто смотреть на небо – то голубое, то серебристо-серое, то низкое и тяжелое от дождевых туч.

Сегодня небо было по-весеннему ярким и каким-то особенно далеким. Словно на зиму весь мир сжимался, замирал, напряженный, чтобы пережить холода, и только с приходом весны позволял себе сделать глубокий вдох. Думать об этом Тори было куда приятней, чем о мужчине, который дожидался ее в приемной.

Но подумать о мужчине все равно придется – через пять минут подойдет назначенный срок встречи и Тори велит секретарю пригласить посетителя в кабинет. Она и так уже дважды отказывала гостю, такими играми лучше не увлекаться.

Она редко себе такое позволяла. Тори работала уже много лет и давно усвоила, что лучший принцип в общении с клиентами – «ничего личного». Она сразу отстранялась от того, нравится ей заказчик или нет. Ее интересовало только задание: если оно не требовало нарушения закона, она бралась за работу. Это только Николай искренне верил, что она – промышленная шпионка, которую вот-вот объявит в розыск ФБР. Тори знала, как принять вызов, не нарываясь на удар.

Так что обычно она клиентов от дверей не разворачивала, но этот сам напросился. У Тори и на сайте, и в социальных сетях было четко сказано: для беседы с начальницей требуется предварительная запись. Но с неделю назад мужчина лет

шестидесяти приперся в приемную наугад. Решил, наверно, что дорогой костюм и часы стоимостью в подержанный автомобиль откроют ему двери куда угодно. Тори тогда была в кабинете и даже свободна, но она терпеть не могла, когда кто-то вот так нагло распорядился ее временем. А еще она не любила знакомиться с потенциальными клиентами прямо в кабинете, ей нужно было сначала собрать о них все данные.

Так что обладатель костюма, часов и не востребуемых денег мрачно отказался от предложенной компенсации в виде чашечки кофе – можно с корицей! – и ушел. Тори же принялась собирать данные о нем, хотя тогда не была уверена, что он вернется.

Ее незваный гость оказался Борисом Ивановичем Токаревым – человеком весьма обеспеченным, хоть и не олигархом. Он занимался продажами, управлял собственной торговой сетью и от конкурентов вроде как не страдал. Чего он хотел добиться от Тори – непонятно, однако ее любопытство было не настолько сильно, чтобы звонить ему самой, извиняться и задавать вопросы. Она решила, что все узнает, если он вернется.

Он вернулся. А она все равно не узнала – потому что Токарев снова не записался, явился наугад. Тори пошла на принцип, немного понаблюдала за ним через видеокамеру, потом забыла. Как раз в тот период у нее появились проблемы посерьезнее, представленные Тимофеем Капраловым и его верным ружьем.

И вот Токарев снова явился, уже в новый офис и по записи. Похоже, ему что-то было нужно именно от Тори, иначе он давно обратился бы к другим консультантам. Вот только что? Тори оценивала себя вполне здраво и понимала, что она не уникальная и даже не лучшая. Но Токарев почему-то привязался именно к ней. Это должно было польстить ей, заинтересовать – и она чувствовала интерес. Но не только. В глубине души уже появилась настороженность, которую Тори никак не могла объяснить, нечто примитивное, первобытное, подсказывающее, что бывают авантюры, в которые не стоит связываться даже ради огромных денег.

Впрочем, отогнать дурное предчувствие было несложно. Когда Тори связывалась с делом Капралова, инстинкты помалкивали – и чем это обернулось? Так что цена им – три копейки, и права голоса лучше не давать.

В назначенный час она пригласила Токарева в свой кабинет.

Если он и был недоволен тем, что его дважды разворачивали у дверей, то виду не подал. С Тори он встречался впервые и вел себя соответственно: спокойно и уверенно, как и полагалось на деловых переговорах.

Тори ожидала, что он заговорит о своих торговых сетях, но Токарев озадачил ее первой же фразой:

– Через несколько месяцев моя дочь выходит замуж.

Вопрос «Ну и что?» вспыхнул в сознании мгновенно, даже раньше, чем традиционное поздравление с этим радост-

ным для большинства семей событием, однако Тори заставила себя промолчать. Ее гость не тянет на недоумка, который перепутал бы бизнес-консультанта с организатором свадеб. Если Токарев упомянул это, значит, так нужно.

– Ее избранником, к сожалению, стал Никита Немировский, – продолжил он. – Вы слышали о таком?

– Не доводилось.

– Очень странно – он сейчас во всех светских новостях.

– Я смотрю только те новости, которые хоть как-то связаны с моей работой, – пояснила Тори. – Будь они светские, криминальные или экономические. На остальное у меня попросту нет времени.

– Похвально, и я не могу сказать, что осуждаю. Я и сам раньше не интересовался таким. Но когда Алена представила мне... хм... любовь всей своей жизни, пришлось узнать. Господин Немировский оказался весьма посредственным, я бы сказал, бездарным исполнителем и на удивление талантливым композитором.

Одним объяснением Токарев не ограничился. Явно желая подчеркнуть свое открытие, он запустил на смартфоне песню, наверняка исполненную его будущим зятем. Голос и правда был унылый – как у грустного козла, который осознал, что завтрашнее рагу в меню имеет к нему непосредственное отношение. Слова этому голосу вполне соответствовали: рифма уровня «хочу – люблю», восхищение всем, что в женском теле бывает мягким и округлым. Но вот му-

зыка... Музыка была иного уровня, словно из другого мира. Тори никогда не могла похвастаться идеальным слухом, однако контраст она уловила без труда. Музыка казалась чистым серебром, на которое песня налипла коровьей лепешкой.

Токарев выключил запись. Тори невольно поймала себя на том, что музыку ей хочется слушать дальше – предварительно придушив поющего козлика.

– Да, интересное сочетание, – кивнула она. – И что с того?

– Немировский утверждает, что и музыку, и слова он пишет сам.

– Это вполне возможно. Мнение о том, что талантливый человек талантлив во всем, сильно преувеличено.

– Да, это возможно, – согласился Токарев. – Хотя и не совсем нормально. Мне сложно представить, что человек, способный так тонко чувствовать прекрасное, – а автор музыки определенно на это способен, – позволит себе хотя бы прочесть такие стихи, не говоря уже о том, чтобы пропеть их. Так что я пригласил Немировского в гости, познакомиться, и обсудил с ним это.

– Что именно?

– Музыка. Мне хватило первых десяти минут, чтобы убедиться: да, именно он пишет эти стихи, никаких сомнений. Дальше мы обсуждали только музыку, и было не так уж сложно понять, что в музыке он совершенно не разбирается. Он не в состоянии даже сыграть то, что сам якобы написал.

– Вы спросили его об этом напрямую?

– Как будто он ответил бы мне, – усмехнулся Токарев. – Он разнервничался уже на общих вопросах о музыке. Алена, как и следовало ожидать, метнулась защищать своего птенчика. Мол, он волнуется, потому и не может подойти к роялю. Я не настаивал, мне и так стало ясно, что не он пишет эту музыку. Оставалось только выяснить, откуда он ее берет.

– Надеюсь, вы не за этим пришли ко мне? – не выдержала Тори. – К сожалению, многие не до конца понимают, в чем заключается моя работа. Да, я иногда провожу разведку – но я не частный детектив, а вам тут нужен именно он.

– Виктория, прошу вас, дослушайте меня, а потом уже делайте выводы. Уж не знаю, каким дураком я предстаю на первый взгляд, но я все-таки чуть умнее, чем вы подумали. Я не зря сказал «оставалось», а не «остается». Я уже нанял частного детектива и все узнал. Музыка, которой пользуется Немировский, не была плагиатом, никто не предъявлял на нее свои права, значит, ее писали специально для этого бездаря. Мне нужно было только определить, кто и почему этим занимался. И я нашел автора музыки. Это Илья Шведов.

– О нем я тоже должна знать из светских новостей?

– Нет, о нем вы как раз знать не можете, потому что о нем не знает никто. Илья Шведов – практически невидимка, он никогда не был на слуху. Моим людям удалось выяснить, что они с Немировским друзья детства. Шведов несколько, как бы это лучше сформулировать... асоциален. Он не то что

не публичный, он вообще неконтактный человек, в некотором смысле – затворник. Если Немировский упивается славой и вниманием, то Шведова такое приводит в ужас. Судя по всему, у них уже давно действует договор: Шведов передает Немировскому свою музыку, а тот платит за это – но ничтожную долю того, что зарабатывает.

– Это их личное дело, – пожала плечами Тори. – Музыка нельзя оценить объективно. Если этот Шведов готов продавать свои сочинения за копейки, флаг ему в руки.

– Да, если бы я наблюдал за ситуацией со стороны, я бы тоже так к этому отнесся. Но в дело оказалась втянута моя дочь. Алена восхищается Немировским именно из-за его предполагаемого таланта. Она не дура, понимает, что во многих случаях он ведет себя как полная скотина. Однако дочь списывает это на «странности творческих людей». Если она поймет, что Немировский – вор и мошенник, розовые очки придется снять.

– Ну так в чем проблема? Покажите ей все, что наскребли ваши детективы. Не думаю, что вы так уж боитесь разбить дочурке сердце.

– И снова вы меня недооцениваете, – заметил Токарев. – Или меня, или степень моего коварства, тут сказать сложно. Я показал Алене результат расследования почти сразу же, как только получил его.

Но все-таки он оказался здесь, и Тори несложно было догадаться, что произошло после разоблачения.

– Алена не поверила вам?

– Ни единому слову. Она решила, что я придумал эту историю, чтобы очернить возлюбленного в ее глазах. Немировский по-прежнему на пьедестале.

– Как насчет того, чтобы умыть руки? – поинтересовалась Тори. – Вы сделали что могли, родительский долг выполнен. Позвольте дочери набивать собственные шишки, не думаю, что она долго с ним проживет.

– Да, вероятнее всего, этот брак окажется недолгим. Но Алена – натура нежная, не из тех, кто переносит травму и остается на ногах. Даже сейчас расставание с кумиром станет для нее тяжелым ударом. Но если со всем этим будет связана шумная и грязная процедура развода, станет только хуже. Немировский не уйдет тихо, он сделает из разрыва отношений скандал, призванный повысить собственную популярность – люди любят скандалы. Я понимаю, что детям нужны уроки. Но есть разница между уроком и пыткой. Думаю, в этой ситуации самым ценным и вместе с тем безопасным уроком для Алены станет принятие правды.

– Очень может быть. Но это возвращает нас к главному вопросу дня: при чем здесь я?

– Я бы хотел, чтобы вы убедили Илью Шведова вернуться к людям и заявить свои права на музыку, которую он создал.

Чего-то подобного Тори ожидала – какие еще варианты? Но предложение все равно оказалось настолько нелепым, что у нее пока не было слов. Хотелось рассмеяться, однако она

сдерживалась.

Токарев же воспользовался паузой и невозмутимо продолжил:

– Я понимаю, что это несколько необычно. Но когда я узнал подробности о том, где сейчас скрывается Илья Шведов, я понял, что попытка достучаться до него будет только одна. Если она провалится, это сделает его еще более настроенным, да и Немировский поймет, на что я делаю ставку...

– Так, стоп, подождите! – опомнилась Тори. – Уж не знаю, кого вы ищете, но со мной вы точно ошиблись. Я – бизнес-консультант. Я анализирую положение на рынке и составляю для компаний план действий, помогающий превзойти конкурентов. Иногда – редко! – мне приходится для этого немного понаблюдать за деятельностью конкурентов изнутри, устроившись в их фирму. Но все это я делаю легально, никакую информацию не краду.

– Но вы умеете ее находить. Даже ту, которую люди очень хотят скрыть.

– Вы, я так понимаю, намекаете на дело Капралова?

– Не только.

– Да, такие случаи бывали, – признала Тори. – Когда я попадаю в компанию конкурентов и вижу, что там откровенно нарушают закон, я могу сообщить об этом куда следует, и это упрощает жизнь моих заказчиков. Ну и что? Если нарушение нет, проблем не будет, все просто. Но все, что я делаю,

от разработки стратегии до слежки, связано исключительно с деловой сферой. Я не лезу в любовные дела! Это не мой профиль.

– А чей это профиль? – поинтересовался Токарев. – Какой специалист этим занимается?

– Не знаю, но точно не я.

– Нет такого специалиста, ситуация слишком уникальна. Сначала я постарался определить все обстоятельства, потом начал искать человека, который справится с такой работой. Вы не спонтанный выбор, Виктория. Я перебрал очень многих кандидатов, но вы – единственный, у кого есть шанс преуспеть.

Вряд ли он пытался ей польстить: Тори прекрасно помнила, что этот человек дважды принял от нее отказ и не пикнул. А такие люди обычно себя ценят, смирение у них на вес золота. Если Токарев согласился играть по ее правилам, она действительно ему нужна.

Это, да еще намеки на то, что Илья Шведов затаился непонятно где, интриговало. По-хорошему, Тори следовало отказаться уже сейчас и выставить гостя за дверь. Однако проклятое любопытство сыграло с ней злую шутку, и она спросила:

– Так почему именно я?

– Вы умны, Виктория, и это не комплимент, это факт. Я видел стратегии, составленные вами. Вы во многом разбираетесь и очень быстро изучаете то, что вам неизвестно. К тому

же вы умеете приспособливаться, эти ваши шпионские вылазки продемонстрировали очень интересные грани ваших талантов.

– За некоторые из этих талантов меня уже пытались пристрелить, – криво усмехнулась Тори.

– Ситуация с Капраловым, кстати, лишь укрепила меня в желании нанять вас. Мне известно, как вы действовали. Хорошая физическая подготовка и смелость – прекрасные бонусы.

– Не уверена, что мне интересно задание, которое требует хорошей физической подготовки и смелости, но давайте перейдем к сути. Почему до этого Шведова так тяжело добраться? И почему попытка будет только одна?

– Потому что Илья Шведов уже несколько лет живет в очень специфическом месте. Вы когда-нибудь слышали про Малахитовый Лес?

– Не больше, чем про Илью Шведова. То есть, ничего.

– Это своего рода рехаб...

– Реабилитационная клиника? – поразилась Тори.

– Реабилитационный поселок. Это по-своему уникальный для нашей страны проект, другого такого я не знаю. Он не рекламируется, но желающих там поселиться всегда хватает.

Проект и правда был необычным. Несколько лет назад компания «ГрадСтрой», занимающаяся в основном отелями и жилищными комплексами, выкупила полуразрушенную деревню Лесовку, затерянную среди старых елей и со-

сен. Деревню восстановили, превратив в уютный поселок, достойный картин и открыток, название сменили на одобренное маркетологами «Малахитовый Лес». Старые деревья и живописное озеро позволяли сделать из поселка неплохой курорт, однако в таком курорте не было ничего нового и примечательного, так что владельцы компании нашли способ сдавать домики в аренду за совсем другие деньги.

Они организовали в Малахитовом Лесу то, что сами называли «творческим кластером». Домики там сдавались людям, хотя бы отдаленно связанным с искусством, – тем, кто устал от мира или хотел сосредоточиться на важном проекте. В Малахитовом Лесу ограничивалось использование интернета, в домах не было телевизоров. Считалось, что это помогает успокоиться и восстановить силы.

Да и не только считалось, идея прижилась. Сложно сказать, действительно ли лес обладал магическими вдохновляющими силами или место попросту стало модным. Тори подозревала, что второй вариант куда ближе к реальности. Но какая разница? Малахитовый Лес быстро окупил себя, безо всякой рекламы он стал местом паломничества, определенным знаком качества, попасть туда мог далеко не каждый – в первую очередь из-за высоких цен, упиравшихся прямоком в весеннее небо. За такие деньги можно было поселиться в куда более роскошном отеле, причем принадлежащем той же компании, но ведь обыкновенный отель – совсем не то, что «тот самый Малахитовый Лес»!

Справедливости ради, владельцы брали деньги не только за репутацию. Поселок тщательно охранялся, обитателей обеспечивали всем необходимым, им ни о чем не приходилось беспокоиться. В Малахитовом Лесу даже деньгами не пользовались – все уже было оплачено.

Многие приезжали туда ради работы над определенным проектом, некоторые просто хотели покрасоваться перед подписчиками в социальных сетях. И только Илья Шведов поселился в Малахитовом Лесу почти сразу после открытия – и съезжать не собирался.

– Какого-нибудь психолога к нему не пустят, туда вообще посторонних не допускают, – пояснил Токарев. – Да и свой психолог там есть. А вот другой житель поселка вполне может познакомиться и подружиться со Шведовым.

– Предполагается, что жителем этим буду я?

– Разве это так уж отличается от того, что вы делали, устраиваясь на работу в разные компании? Шведов живет там уже давно, он привык, что посторонних рядом нет. Но если он поймет, что его выследили, он еще больше замкнется, поэтому я и говорю, что попытка будет всего одна. Мне нужен там умный, талантливый человек, который грамотно сориентируется по ситуации и найдет подход к отшельнику со стажем. Ну и кто занимается этим по долгу профессии?

Тут уже Тори нечего было ответить. Никто подобным не занимается – это не работа частных детективов, это слишком сложно для обычных артистов, это непонятно психологам.

Вопрос в том, справится ли она... захочет ли справиться?

С одной стороны, это было интересно и по большей части легально. Она ведь не будет обманывать Шведова или заставлять его что-то делать силой. Она подтолкнет его к тому, чтобы забрать свое. Разве это так уж плохо?

А с другой стороны, может оказаться плохо. Похоже, Шведов тот еще чудик, слава и деньги ему не нужны. Ему хорошо сейчас, раз он до сих пор не съехал из поселка. Так имеет ли она право что-то менять? Возможно, она сделает его жизнь лучше – или все испортит. Шансы-то равны, и Тори сочла это слишком большим риском. Никакой вызов того не стоит.

– Простите, но нет, – покачала головой она.

– Я обеспечу вам доступ в Малахитовый Лес, что уже непросто, полностью оплачу проживание там и соглашусь на любой гонорар, который вы назовете.

– Круто, конечно, и все равно нет. Денег у меня хватает, не жалею. А лезть в чужую жизнь я не хочу.

Она знала, что Токарев не сдастся, ей просто было любопытно, что он станет делать дальше. С деньгами больше не поиграешь – она дала понять, что на такое не ведется, да и он сразу зашел с козырей. А что еще он может дать человеку, которому ничего не нужно?

Токарев действительно не спешил покидать гостевое кресло.

– Знаете, Виктория, я буду честен: у меня был короткий список специалистов, подходящих для этой работы. Я пору-

чил тому же детективному агентству, которое нашло Шведова, собрать информацию о каждом из них.

Может, это должно было напугать Тори – но не напугало. Она прекрасно знала все свои уязвимости, как и то, что посторонний не сможет использовать их против нее. Об этом она позаботилась.

– Мне нужен был исполнитель, которого я смогу шантажировать или кому могу предложить нечто особенное, – продолжил Токарев.

– Хм... честно.

– Не вижу смысла врать человеку, с которым мы скоро будем работать над столь важным для меня проектом.

Этот тип раздражал Тори все больше, однако показывать это она не собиралась. Она умела играть на его уровне и оставаться такой же отстраненно дружелюбной.

– Похвальная самоуверенность, но я по-прежнему не представляю, что заставит меня согласиться. Вы и правда собираетесь меня шантажировать?

– Вас – нет. В моем списке были люди, которых шантажировать очень легко, но вы среди тех, с кем этот трюк не срабатывает. Тоже плюс к вашему резюме.

– Польщена, но вам это как раз невыгодно.

– Да, у моей уверенности совсем другая основа, – согласился Токарев. – Вы оказались из тех, кому можно дать нечто большее, чем деньги. И представьте себе мое удивление, когда я обнаружил, что это тоже связано с Малахитовым Ле-

сом. Я предпочитаю не верить в такие совпадения, но тут уж даже мой внутренний циник спасовал. Я сразу понял, что работу нужно поручить вам.

Тори почувствовала холодный укол страха – достаточно сильного, чтобы пробиться через неверие и раздражение, вызванное этим человеком. Страх, разумеется, оказался связан не с ее гостем, а с желанием, о котором он говорил. У нее ведь действительно было такое желание: единственное, недоступное ни за какие деньги. Ускользнувшее от нее – Тори уже успела смириться с этим.

Но вот оно замаячило на горизонте, и от этого становилось жутко – словно она снова стоит перед направленным на нее ружьем, и на сей раз оно выстрелит...

Нет, нельзя бояться раньше времени. Возможно, Токарев ошибся, что-то перепутал, получил ложные сведения. Он не может знать правду! И уж точно эта правда не может быть связана с Малахитовым Лесом.

И только она позволила себе поверить в это, успокоиться, как Токарев все испортил:

– Человек, которого вы давно ищете, тоже находится в Малахитовом Лесу. Он пробудет там еще не меньше месяца. То есть у вас будет месяц на то, чтобы выполнить мое задание и найти того, кто вам нужен, среди обитателей поселка.

– Вы не знаете, кого я ищу, – холодно указала Тори.

Токарев лишь улыбнулся – еле заметно, одними уголками губ. Он достал из портфеля фотографию и протянул своей

собеседнице. Тори снимок не взяла, но все же не выдержала, посмотрела.

Ей хватило секунды, чтобы понять: это не подделка и не обман. Это правда – далекая, погребенная под десятью годами, но так и не исчезнувшая. Детективы Токарева не подвели, они откопали именно то, что нужно. На фотографии замерла *та самая* машина – помятая, с трещинами на стекле и кровью... Машину Тори помнила, человека – нет. Но если они нашли машину, они должны были отыскать и водителя, это не так уж сложно.

Словно прочитав ее мысли, Токарев подтвердил:

– Этот человек действительно там. Проживать будет до лета, но это вся информация, которую я готов дать вам сейчас. Нам обоим не нужно, чтобы вы теряли время, решив, что его слишком много.

– Кто он? – с трудом спросила Тори. От волнения голос звучал непривычно хрипло и сдавленно.

– Простите, Виктория, но этого я вам не скажу. Это не благотворительность.

– Вы не понимаете...

– Я все прекрасно понимаю, – прервал ее Токарев. – Мне сообщили, почему вы разыскиваете этого человека. Видите? Теперь дело становится выгодным для нас обоих. Без вас я никак не повлияю на Илью Шведова. Без меня вы не попадете в Малахитовый Лес – для этого нужны не только деньги, но и связи, которых у вас нет. Зато вместе мы можем пре-

успеть дважды.

– Не факт... Я могу и не справиться. Я такого никогда не делала, никаких гарантий нет!

– Это я понимаю. Но вот что я вам предлагаю... У вас будет месяц, чтобы повлиять на Илью. Если вы справитесь, я назову имя человека, который вам нужен. Да и сама попытка уже много вам даст. Вы узнаете, кто живет в Малахитовом Лесу сейчас, это сузит круг подозреваемых, которого у вас раньше вообще не было. Что скажете?

С ответом Тори не спешила, она думала – хотя делать это под испуганный перестук собственного сердца, гулко отдающийся в ушах, было не так-то просто. Она волновалась, мысли путались, и взять себя в руки оказалось куда сложнее, чем при встрече с обезумевшим Капраловым.

Десять лет ведь прошло, она смирились, у нее и шанса не было, а теперь...

Нет, ничего еще не кончилось. Токарев мог и соврать, хотя вряд ли, отыскать машину было труднее всего. Но связываться с этим типом Тори все равно не хотелось, не впечатляло ее желание бизнесмена манипулировать жизнью собственной дочери.

Может, логичнее выяснить, какие детективы на него работали, и заплатить им за ту же информацию? Нет, вряд ли. Они могут и отказать, они наверняка побаиваются Токарева, он влиятельный тип, с которым не стоит ссориться. Да и потом, даже если Тори каким-то чудом добудет имя, дальше-то

что? Если тот человек укроется в Малахитовом Лесу, совсем как Шведов, до него не доберешься. А ей ведь необходимо не просто найти его, им нужно поговорить!..

– Ладно, – сдалась Тори. – Сделаем вот как... Вы направите меня в Малахитовый Лес с той легендой, которую я придумаю, обеспечив все для ее поддержки. Я попробую вразумить Шведова. Если у меня получится, вы выплатите мне гонорар и укажете имя того, кто мне нужен. При этом вы дадите мне шанс жить в Малахитовом Лесу достаточно долго, чтобы я могла добраться до этого человека, уже зная, кто он.

– Годится, – кивнул Токарев. Он, в отличие от собеседницы, ни в чем не сомневался. – И я понимаю, что вы сразу же начнете искать его самостоятельно. Но у вас вряд ли получится – там все-таки не три человека живут. Так что я рекомендую вам сосредоточиться на задании, чтобы получить точную информацию. Виктория, я хочу, чтобы вы понимали... Если Шведов откажется сотрудничать, информации не будет. Не потому, что мне так уж сложно назвать имя, а потому, что это дело принципа. Я останусь без того, что мне нужно, но и вы – тоже. Мотивация с самого начала должна быть правильной – успеха мы с вами добьемся только вместе.

Глава 4

После каждой болезни нужно было готовиться к бардаку, Роман к такому уже привык. Нелепые ошибки допускали даже те, кто в его советах и контроле не нуждался. Когда он вернулся к работе и в очередной раз удивился потрясающему скоплению проблем, его секретарь объяснила это бесхитростно:

– Ну а как вы хотели, Роман Андреич? Кот из дома – мыши в пляс.

Банально, но верно. Вот поэтому Роман терпеть не мог больничные: после каждого из них приходилось разгребать такое количество работы, что умереть проще. Он старался оставаться на ногах до последнего, выздоравливать на ходу. Иногда это получилось, на сей раз – нет, с больничной койки да с кислородной маской на лице наблюдать за теми пресловутыми мышами оказалось невозможно.

Но порой не везет, сокрушаться об этом бессмысленно, только и остается, что справляться с последствиями. Роман выбрался из больницы, как только врачи перестали бросаться ему под ноги, угрожая мгновенной смертью. Они все равно бурчали, что он покидает палату слишком рано, однако признавали, что долечиться можно и дома. Лекарства Роман смиренно принимал, а вот в квартире не сидел. Он знал, что возвращение с больничного похоже на прыжок в холодную

воду: лучше быстро и сразу.

Так что долечивался он в кабинете – разница была не так уж велика. Секретарь даже следила за тем, чтобы он принимал таблетки и не забывал о еде, и ему было проще. Роману хватило недели, чтобы привести дела компании в порядок.

И вот тогда он обнаружил кое-что необычное. Стараясь найти все проколы сотрудников, Роман устроил полную проверку документов за год. Недавние ошибки были привычными: поправимыми, не такими уж страшными, совершенными по глупости или невнимательности. Сомнительное оправдание, так ведь и грех не самый страшный.

Однако за этой чередой мелочей скрывалось кое-что по-серьезней. Некоторые документы пропали, другие же были не в порядке – их как будто изменили... А еще он обнаружил, что пропавшие документы и сроки их исчезновения подозрительным образом связаны с успешными проектами конкурентов, которые сумели обойти «ГрадСтрой».

Очень скоро вывод стал очевидным: среди сотрудников завелась крыса. Кто-то, обладающий высоким уровнем доступа, сливал информацию конкурентам и пакостил так, что компания теряла прибыль. Сделано это было грамотно, проблему сразу и не заметишь – это как незначительная течь в трубе, которая однажды оборачивается серьезной катастрофой.

Пожалуй, Роману следовало заподозрить неладное раньше, но не получилось – слишком много у него было проек-

тов, да и вне работы навалилось... всякое. В итоге проблема пустила корни, и избавиться от нее будет куда сложнее.

Но все возможно. Сквозь раздражение Роман признавал, что справится – он всегда справляется. Просто на проверку придется потратить куда больше времени, ему теперь нужно было пересмотреть все: доступ, отчеты о прочтении, связи сотрудников с конкурентами...

Сначала он попытался сделать это в кабинете. Но оказалось, что к двадцати часам почти непрерывной работы его организм все-таки не готов. Проклятый кашель, только-только исчезнувший, вернулся, даже таблетки не могли отогнать головную боль дольше, чем на час, и сосредоточить внимание на тексте становилось все сложнее.

В какой-то момент взбунтовалась даже секретарь, при-
выкшая к его спартанскому режиму:

– Роман Андреевич, вы себя убьете в итоге!

– Компания может серьезно пострадать, если в этом не разобраться.

– А если вы умрете, компания вообще пойдет ко дну!

– Я не собираюсь снова уходить на больничный, если вы об этом, – поморщился Роман.

– Если вы продолжите в том же духе, вам не придется никуда уходить, вас просто вынесут отсюда! Но я пока не об этом, я другое хотела предложить. Вы же все равно из кабинета не выходите, вы можете работать где угодно!

– Мне здесь удобней, чем в квартире.

– Но я и не про квартиру говорю, – указала секретарь. – Послушайте, вы владеете группой компаний, которая построила отели по всей России. А сейчас наступает лучшая пора весны, наконец-то тепло и все цветет! Вы поезжайте куда-нибудь, где воздух почище, да и в целом поспокойней.

– Начинается туристический сезон, везде слишком шумно, а мне это не нужно.

– Не везде шумно! Вы что же, про Малахитовый Лес забыли?

Он и правда забыл – да и как тут не забыть? Слишком многое на него свалилось, а про Малахитовый Лес Роман обычно вспоминал, когда находил время для отпуска. Правда, последний раз он там бывал год назад – Алла предпочитала отдыхать в совсем других местах. Но это больше не имеет значения.

Впрочем, даже без Аллы проблема все же была...

– Там сейчас Лев всем заведует, – напомнил Роман. – Нет смысла отправлять двух руководителей на один объект.

– Лев Андреевич не заведует, – сдержанно улыбнулась секретарь. – Он присутствует. Но даже если он решит неожиданно проявить себя, вы ведь ему не мешаете, правда? Вы будете работать над совсем другим проектом, просто в подходящем для этого месте. Тишина, чистый воздух, сосновый лес – как раз то, что нужно, чтобы избавить вас от кашля. Вы никому не поможете, если себя погубите.

– Пожалуй, вы правы... Составьте мне план встреч – по

возможности перенесите их на завтра и послезавтра. В субботу я хочу уехать.

– Вот, это уже правильно.

Он действительно любил Малахитовый Лес – настолько, что даже выкупил один из домов поселка в личное пользование. Так что пересекаться с братом не обязательно... Хотя встреч все равно не избежать, но это можно пережить.

Они со Львом толком не разговаривали после того случая... Роман предпочитал не вспоминать о произошедшем. Это было не так уж сложно: за четыре десятка лет наловчился загонять воспоминания подальше, запирать, не дотрагиваться до них без острой необходимости. Потому что воспоминания порой способны сделать куда большее, чем любая травма. То, что случилось между ним, его братом и Аллой, было еще не самым страшным – и все равно неприятным.

Ирония заключалась в том, что он почти не был удивлен. Когда Роман увидел их там, вместе, первой пришла не боль, а то самое ощущение «Я же говорил!». Не им говорил, себе. Роман отлично разбирался в людях и без труда просчитывал самые вероятные варианты их поведения. Так что он заранее знал: Лев без проблем плюхнет в чужую постель, а Алла склонна к таким вот авантюрам. Ну и то, что невеста его не любит, Роман знал с самого начала. В чем проблема вообще, если он тоже ее не любил? С романтикой у него никогда ничего толкового не получалось, а вот проекты он создавал удачные.

Брак с Аллой должен был стать таким проектом. Она ему подходила. Она тоже была настроена на серьезные отношения. Она заботилась о нем, всегда оставалась тихой и спокойной. Роман велел секретарю заказывать ей букеты даже по незначительным праздникам и хотя бы раз в месяц бронировать ресторан. Ну и конечно, он не задавал дурацких вопросов о том, на что Алла каждый месяц тратит огромные суммы. Роман воспринимал все это как негласные условия договора, связывающего их – и ведущего к браку.

Естественно, одним из условий такого договора считалась верность. Роман не простил бы ей любую измену, но то, что она повелась на его брата, было вдвойне оскорбительно. Это же так банально... и она знала про Льва все, всю правду. Алла уже не могла изобразить дурочку и сослаться на насилие или внезапно вспыхнувшую любовь. Она просто не сумела выполнить свою часть сделки.

Роман хотел относиться к этому именно так – как к сорвавшемуся контракту. Позволить себе немного расстроиться и не более того. А не вышло... Что он чувствовал в первые дни – и вспоминать не хотелось. Тонул в работе, чтобы кое-как выкарабкаться, и вроде справился, но для себя решил, что таких ошибок больше не повторит. Ну а потом и вовсе была болезнь, заставившая его сосредоточиться на совсем иной боли, куда более понятной и предсказуемой.

С тех пор Аллу он больше не видел, да и не хотел видеть, от тоски по ней он оказался милостиво избавлен. Но-

вую невесту Роман пока не искал, ему было не до того. Да и Лев на этот раз решил не подлизываться, как обычно, а изобразить невинно оскорбленного. Он почти сразу умчался в Малахитовый Лес и в Москве с тех пор не показывался.

Приезд Романа брат наверняка воспримет как первый шаг к примирению, это тоже было предсказуемо – как и все поведение Льва. Но он будет ждать не намеков, а слов, и пока они не прозвучат, навязчивого внимания можно не опасаться. Так что секретарь права: присутствие брата – вовсе не повод отказываться от оптимальных условий для восстановления.

Следующие два дня Роман посвятил переговорам и сбору материалов, необходимых для служебного расследования. В Малахитовый Лес он отправился в субботу утром – он любил, когда все шло по плану.

В городе весна была непримечательной. Холодной и ветреной, серой от остатков реагентов, которыми улицы щедро посыпали зимой. Бесцветной, слишком скромной, как будто сдержанной. Но чем дальше Роман оказывался от мегаполиса, тем приятнее становился вид за окном.

Здесь природа не просто проснулась, она расцветала, торжествовала, готовилась к новому празднику жизни. Она освежила даже вечнозеленые ветви, она куталась в кружево белых цветов. Цветы были воздухом и нежностью, внезапно получившими материальное воплощение. Отъехав достаточно далеко от города, Роман отключил кондиционер, открыл

окна, позволяя салону заполниться запахом влажной земли и свежей травы. Он специально выбирал небольшие узкие дороги, чтобы дышать весной, а не единым облаком выхлопных газов. Природа успокаивала его, примиряя с собой и с теми воспоминаниями, которые, к сожалению, не удавалось стереть.

Малахитовый Лес и вовсе встречал его в лучшем наряде, как почетного гостя. Роман с готовностью свернул на узкую серую дорогу, вившуюся среди высоких, до самого неба, сосен и разлапистых елей. Здесь было гораздо теплее, чем в столице, о снеге уже забыли, под янтарными стволами переливались всеми оттенками зеленого мох и молодая трава. К запаху свежести добавились ароматы хвои и смолы, прогретой солнцем. Роман понимал, что глупо так думать, но было чувство, что он возвращается домой.

Охрана Малахитового Леса размещалась на границе поселка, в отдалении от коттеджей, чтобы не напрягать своим видом гостей. Белый дом под черепичной крышей притаился у дороги, рядом с массивным металлическим шлагбаумом – такой только на танке снести можно. Обычно гостям приходилось останавливаться здесь, предъявлять документы, объяснять, кто они и по какому праву приехали. Однако машину одного из хозяев поселка здесь прекрасно знали, да и о его визите были предупреждены. Так что шлагбаум открылся заранее, Роман просто кивнул охранникам, проезжая мимо.

За долгое время его отсутствия поселок совсем не изменился – и это было к лучшему, с годами начинаешь все больше ценить такие вот скалы, которые помогают пережить шторм. Романа встречали все те же аккуратные коттеджи – белая штукатурка, яркие ставни с резьбой, разноцветные крыши. Сады еще цветут, укутывают узкие улочки кружевной бело-розовой шалью... Это уже ненадолго. Весь асфальт в снежинках лепестков, а на ветвях проступили нежные, как будто влажные новорожденные листья. Время яблонь проходит, но это не страшно, потому что очень скоро во дворах полыхнет сирень – фиолетовым, белым и желтым.

Роман добрался до поселка вечером, на улицах было пусто – многие, скорее всего, сели ужинать. Лев не вышел встречать его возле дороги, хотя наверняка получил предупреждение от охраны. Значит, сегодня не сунется, будет дожидаться первого шага со стороны брата – Роман снова угадал. Он всегда угадывал. Это и хорошо, что брат не пришел: после долгих часов, проведенных за рулем, у Романа попросту не было сил выносить буйного родственника. Завтра, все завтра... или вообще никогда, как повезет.

Роману принадлежал один из отдаленных участков, туда даже гости Малахитового Леса обычно не добирались. Он хотел, чтобы так было, это одиночество лечило его, готовило к возвращению в шумный город, обратно к... мышам и крысам.

Многие коттеджи в поселке были восстановленными де-

ревенскими хатками, но не дом Романа. Участок он выбрал сразу, с первого взгляда – просто почувствовал, что это то самое место. Подходящее. А дом, занимавший участок, Роману категорически не понравился: слишком ветхий, пропахший поколениями предыдущих хозяев, откровенно чужой – от семьи, которой дом принадлежал, никого не осталось. Поэтому старое здание Роман велел снести, а новый коттедж построили на другом месте по проекту знакомого архитектора. Строгие линии, ничего винтажного, плоская крыша, много террас, много окон и света... Общий вид поселка это не портило: Роман поручил сохранить старые деревья и кусты, они теперь скрывали примечательный дом от любопытных глаз.

Он припарковал машину на площадке возле забора, поспешил покинуть салон и с удовольствием потянулся. Он устал даже больше, чем обычно – то ли болезнь брала свое, то ли возраст. Хотелось верить, что болезнь. Но здесь это все должно закончиться, в Малахитовом Лесу по-прежнему даже дышать было легче.

Роман забрал из машины только одну сумку – с самым необходимым, остальные вещи можно будет перенести и разобрать завтра. Ключи искать не было смысла, он знал, что к его приезду дом убрали и оставили открытым. В поселке это было нормальной практикой: чужие сюда не допускались, а скрытая система видеонаблюдения позволила бы выяснить, кому вздумалось подворовывать, если бы кто-то ре-

шился на подобное развлечение.

Но никто здесь просто так по чужим участкам не шастал, и Роман был спокоен. Как оказалось, зря. Едва войдя в дом, он сразу уже увидел постороннего – да тот и не таился, словно имел полное право здесь находиться.

Посторонний оказался девушкой, совсем юной, на удивление хрупкой и на воровку совсем не похожей. Она стояла у окна гостиной – босиком, в тонком платье цвета топлёного молока, ее заливал тяжелый золотисто-рыжий свет позднего весеннего солнца. Из-за этого девушка казалась нереальной, будто нарисованной в пространстве гениальным художником. Идеальное сочетание цветов, выверенная композиция. Эта странная гостья была настолько здесь к месту, что поначалу Роман даже не обращался к ней, просто смотрел. Она казалась не лишней, а нужной. Словно она ждала его у этого окна, чтобы броситься навстречу и обнять после долгой дороги...

Градов позволил себе наблюдать за девушкой, как смотрел бы на картину в музее. Потом завораживающий момент кончился, Роман снова разрешил себе думать, анализировать, и очарование тут же испарилось.

Он прочистил горло, девушка вздрогнула, повернулась на звук, и Роман смог лучше рассмотреть ее. Она и правда была удивительно красивой, но вовсе не такой юной, как ему показалось в первый миг. Ей не восемнадцать, а скорее тридцать – тончайшая сеть мимических морщин указывает на это, хо-

тя кожа ухоженная, длинные волосы цвета темного кофе – тоже, она определенно не бедствует. Глаза серые, искристые, доброжелательно наивные... Вряд ли она сумела бы в тридцать лет остаться наивной и накопить достаточно денег, чтобы попасть в Малахитовый Лес. Значит, попросту талантливая актриса, и это роднит ее с Аллой.

Да и наряд у нее подобран грамотно: платье подчеркивает тонкую фигуру, но не скатывается в откровенную пошлость. Босые ноги – это и мило, и демонстрация маленьких изящных стоп. Призрачная фея, а не роковая соблазнительница, но цель та же. Девушка тут наверняка для того, чтобы приобщиться к богеме или найти себе спонсора. Возможно, все сразу.

При этом Роман не сомневался, что она не нацелилась именно на него – незваная гостья не могла знать, что он придет сегодня, и не рассчитывала, что в поселке есть такие люди. Должно быть, думала, что забрела в дом очередного художника или поэта. Сама она тоже будет притворяться кем-то из творческих, чтобы оправдать свое пребывание здесь. Интересно, что она выберет? Наверняка назовется фотографом или писательницей. Первое доступно всем, второе не предполагает немедленную демонстрацию своих талантов.

– Вы кто? – равнодушно поинтересовался Роман.

– Здравствуйте, – смущенно улыбнулась она. Улыбка тоже была идеальной, кто б сомневался. – Извините, я не знала, что тут кто-то живет... Когда я вселялась, мне сказали, что

все незанятые дома можно осматривать.

– Все, кроме этого. Этот – частная собственность.

– Простите, я не знала!

Смущалась она вполне убедительно, но Роман ни на секунду не усомнился, что на самом деле ей не жаль.

– Теперь знаете.

– У вас очень красивый дом...

– Знаю. Можете идти.

– Меня Тори зовут. Ну, это сокращение такое – от Виктории.

– Роман, – неохотно представился он. – И все равно можете идти. Простите мою вынужденную грубость, Виктория, но я и правда хотел бы остаться один. Почти сутки за рулем – не самый приятный опыт в моей жизни.

– Да, конечно, – засуетилась она. – Я сейчас уйду. Я в доме на Озерной улице остановилась, если что... И я тут ничего не трогала, просто посмотрела!

– Не сомневаюсь и ни в чем вас не обвиняю.

– Все равно простите, глупо получилось.

Она и сама видела, что романтическое знакомство сейчас не состоится ни при каком раскладе. Скорее всего, эта девушка вообще не действовала без плана – если она действительно была похожа на Аллу.

Так что она вполне серьезно собиралась уйти, и Роману следовало бы просто позволить ей. Но ему хотелось кое-что проверить, убедиться, что он не теряет хватку. Поэтому он

спросил:

– Первый раз в Малахитовом Лесу?

– Да. Это... удивительное место.

– Маленький рай для творческих людей. – Роман без труда процитировал знакомый уже рекламный буклет. – Вы, кстати, чем занимаетесь?

– Я фотограф.

– Я так и подумал.

Конечно, фотограф она, все-таки фотограф.

И снова он не ошибся. Мир по-прежнему оставался предсказуемым и скучным. Романа это давно уже не радовало.

Глава 5

Это место оказалось куда лучше, чем ожидала Тори. Она ведь до последнего не знала, что увидит: информации о поселке в интернете было совсем мало, в основном фотографии, сделанные теми селебрити, которым удалось сюда прорваться. Поэтому она и ожидала, что увидит здесь расписных див из телевизора и полупьяных артистов, которые считают, что им все можно.

Но в Малахитовом Лесу ее встречала совсем другая атмосфера. Здесь было спокойно, тихо и удивительно красиво. Весна наступала идеально, словно хотела показать, какой совершенной она может быть. Во многих дворах доцветали белым и розовым деревья, унаследованные из деревенского прошлого. Среди их корней густым ковром взошла свежая трава, в ней раскрылись первые солнышки одуванчиков. В воздухе пахло сладостью и свежестью, а вот выхлопными газами – никогда, на машинах по поселку никто не ездил, в этом просто не было нужды.

Так что знакомство оказалось неожиданно приятным. Ей даже позволили выбрать один из пустующих домов – и она предпочла самый отдаленный. Здесь было спокойней, да и в постороннем внимании Тори не нуждалась. Она ни на секунду не забывала, ради чего на самом деле приехала в поселок.

Но и с выполнением задания Тори не торопилась. Не важ-

но, чего ей хочется и что она чувствует. Она по опыту знала, что спешка не приносит ничего хорошего. Да, нынешняя работа особенная, однако выполнять ее можно было по прежней схеме. Для начала Тори требовалось изучить Малахитовый Лес – и приучить Малахитовый Лес к себе.

В поселке все должны были поверить в легенду о фотохудожнице, мечтающей найти необычные виды. Тех, кто попроницательней, необходимо убедить, что она просто бездарь, которой очень хочется причислить себя к творческой элите, или, на худой конец, золотоискательница, приехавшая сюда за очередным «папиком». И уж точно никто не должен был догадаться, что она кого-то выслеживает.

Немного подумав, Тори решила, что изображать наивную дурочку намного выгодней, чем знатно пожеванную жизнью светскую львицу. Поэтому джинсы и косухи пришлось оставить в городе, чемоданы были преимущественно забиты нежными платьями, бусами, браслетами, воздушными шейными платочками и прочей милой сердцу фотохудожницы белибердой. Расчет оправдался неожиданно быстро, когда Тори случайно столкнулась с одним из братьев Градовых.

К такому Тори не готовилась. Во время первого осмотра поселка, при первых знакомствах с местными, она выяснила, что в Малахитовом Лесу постоянно ошивается младший из братьев, Лев. Но сторониться его оказалось просто: он постоянно был чем-то занят, на кого-то отвлечен, и заинтересовать его удалось бы, только прыгнув ему под ноги. Желая

тельно голой.

Про второго брата она слышала, только собирая информацию о компании. Старший, судя по всему, был поумнее. Роман руководил финансами «ГрадСтрой», и за ним не вилась такой шлейф светских сплетен и скандальных новостей, как за его родственником. И конечно, Тори знала, что стала его соседкой, она бы перестала себя уважать, если бы упустила такую деталь.

Подвох заключался в том, что соседкой она собиралась оставаться лишь условно. Люди, работающие в Малахитовом Лесу, почти сразу доверительно сообщили ей, что Роман Андреевич не появлялся в поселке больше года, хотя у него тут дом. Тори быстро налаживала такое вот дружеское общение, оно было лучшим источником информации и обычно давало надежные сведения.

Так что осматривать его дом она отправилась без тайного умысла, исключительно ради эстетического удовольствия. Она еще во время первых прогулок заметила, что коттедж очень интересный: не милая побеленная хатка, а строгие прямые линии, многоуровневые террасы, много стекла. Этот дом даже рисковал испортить общий вид поселка, если бы не был стратегически прикрыт старыми яблонями.

Он был великолепен и снаружи, и внутри – Тори не преминула зайти, раз уж дверь оказалась не заперта. Она очутилась среди светлых комнат, безупречно оформленных, но при этом не вызывающих ощущение, будто интерьеры созда-

ны для страниц мебельного каталога. Здесь как будто становилось легче дышать, весь дом был наполнен светом, он создавал впечатление, что в этих стенах не может произойти ничего плохого. Тори невольно подумала, что, если бы она однажды захотела где-то остаться навсегда, она бы предпочла именно такой дом. Но, поскольку мысль о постоянстве неизменно приводила ее в ужас, по-настоящему завидовать владельцу коттеджа она не собиралась, а собиралась полюбоваться и уйти.

И вот тогда приперся Роман Андреевич, которого тут год не было и не предвиделось. Тори не обрадовалась, но и позориться не собиралась. Если что-то пошло не так, почему бы не превратить это в ценный опыт?

Так что она решила протестировать на нем свой образ наивной романтичной дурочки, посмотреть, поверит ли он. Если клюнет этот, остальные тоже не станут сомневаться, по Градову сразу было видно, что циник еще тот, да и репутация у него соответствующая.

Старательно оправдываясь перед ним, Тори изучала своего соседа, которому теперь предстояло стать больше чем теорией. Градов оказался неожиданно высоким – на фото в интернете он в основном сидел за столом, и ей почему-то показалось, что он будет из тех дядечек-квадратиков, которые будто природой созданы для заполнения офисных кресел. Но тут она прокололась: собеседник оказался на голову выше ее, значит, рост там был примерно метр восемьдесят,

а то и больше. Телосложение плотное, та самая пресловутая широкая кость, но сам он не расплылся, явно следит за этим. Черты лица обычные – не красавец и не урод, гармоничная часть толпы, тот, кого не так-то просто запомнить. Волосы светло-русые, брови и ресницы – тоже, и это отнимает у лица объем. Под такую непримечательную внешность подошли бы, пожалуй, серо-голубые глаза, и все, типичный персонаж с любого стокового фото, где нужен «мужчина лет сорока». Однако с глазами ему более-менее повезло: четкий голубой цвет, привлекающий внимание. При этом взгляд жесткий, оценивающий, будто сканирующий собеседника.

Даже при коротком разговоре с Градовым создавалось впечатление, что он видит собеседника насквозь. Тори не поддалась, она таких уже встречала, просто почувствовала привычный мороз по коже и не обратила на это внимания. Она играла свою роль до конца и уже видела, что Градов не поверил в безмозглую фею, зато наверняка решил, что она тут ради мужика. Ну конечно, что ж еще женщине по жизни надо? Пусть думает, что хочет, лишь бы до правды не докопался. Тори повезло в том, что Градову было на нее плевать, он просто принял одну из удобных и понятных версий. Но на глаза ему лучше лишний раз не попадаться, и тогда он ей не помешает.

Время показало, что сделать это будет не так уж сложно. Градов не гулял по поселку просто так, редко заглядывал в кафе, он если и выходил из дома, то отправлялся сразу в лес

или к озеру. Так что его из списка проблем можно было вычеркнуть.

Второй проблемой являлась психолог – женщина лет пятидесяти, определенно работавшая в Малахитовом Лесу не первый год. Сначала Тори надеялась, что речь идет о какой-нибудь «психологине», устроившейся в такое уютное место по благу. Из тех, что мыслят и говорят штампами, ни на что по-настоящему не способная. Однако пара бесед с Лидией Княжиной показали, что в Малахитовый Лес она попала не просто так. Вот эта женщина как раз могла раскусить Тори: она не верила отработанным улыбкам и задавала грамотные вопросы. К счастью, никто не обязывал гостей поселка посещать психолога, так что для успешного выполнения плана достаточно было обходить Княжину за километр.

Остальные жители Малахитового Леса были не столь примечательны. Кто-то из них умнее, кто-то – глупее, но всем им Тори оставалась безразлична, и это служило ей лучшей защитой. С чего им вообще присматриваться к ней, зачем сомневаться? Она предусмотрительно ходила по поселку с большим фотоаппаратом, и это вроде как стало гарантией ее честности. Фотоаппарат есть? Значит, фотограф, все же понятно!

Тори специально выбрала эту легенду, так было проще работать. Это художник привязан к мольберту, композитор – к роялю, писатель – к столу и ноутбуку. Фотограф может гулять где угодно, объясняя свое присутствие тем, что ищет

лучшие виды. А поскольку каждый дом в Малахитовом Лесу был оформлен в уникальном стиле, у Тори имелось оправдание для того, чтобы надолго замирать у заборов, высматривая, что находится за ними.

Так что дом Ильи Шведова она нашла без проблем. Оставалось только понять, что делать дальше.

Илья не просто прятался от мира в Малахитовом Лесу – он и от жителей поселка укрывался на своем участке. Композитор появлялся на улицах даже реже, чем Градов. Его не привлекали прогулки, Тори ни разу не удалось рассмотреть Шведова. Его дом тонул в готовящихся к цветению кустах сирени. Окна постоянно оставались закрытыми. Сам Илья если и появлялся, то двигался быстро, как перепуганная мышь, и старался не оставаться на виду дольше минуты.

Да уж, рановато она поверила, что задание будет простым...

Ей следовало бы сосредоточиться только на Шведове, а у нее не получалось. Тори ни на секунду не забывала, что *тот самый человек* сейчас рядом. Впервые за десять лет. Ходит по одним с ней улицам, может, это он поздоровался с ней сегодня в кафе... Она напряженно вглядывалась в лица местных обитателей, стараясь не выгледеть при этом слишком наглой. Тори надеялась, что у нее получится вспомнить – должно получиться!

Но память отказывалась помогать. Кажется, Тори уже всех в Малахитовом Лесу видела, а чувство узнавания так

и не появилось. Это же нечестно! Тот, от кого зависела вся ее жизнь, не мог остаться лишь частичкой толпы... Так не должно быть. Получается, Токарев солгал? Вряд ли. Тори уже достаточно знала о нем, чтобы понять: он дорожит своей репутацией. Он далеко не ангел, потому что бизнесмены такого уровня святыми не бывают. Но до откровенной лжи он вряд ли опустился бы, прекрасно зная, что это может аукнуться в будущем. Уже то, что он добыл информацию об этом человеке и нашел фото машины, доказывало, что Токарев докопался до самой страшной главы в жизни Тори.

Так что не нужно себя обманывать, этот человек действительно здесь. Когда Тори поняла, что просто узнать его и покончить со всем не получится, она хотела сосредоточиться на Шведове – и все равно постоянно оглядывалась по сторонам. Напряжение не отпускало, ей удавалось расслабиться лишь усилием воли – а потом паника накатывала вновь. Тори казалось, что она вот-вот упустит нужного человека, он уедет раньше, чем предполагал Токарев, и все будет конечно. Она только об этом и могла думать.

Попытка искать непонятно кого – сомнительная затея. Собака, преследующая собственный хвост, добьется лишь того, что вымотается и заснет. Только вот собаке это в радость, а Тори злилась все сильнее. Она ведь не маленькая девочка, что, так сложно взять себя в руки и действовать правильно? А она вместо этого теряла дни, думала о сроках и волновалась еще больше.

Ей потребовалась вся сила воли, чтобы остановить это. Просто в один из вечеров Тори заставила себя не тащиться в очередной раз на улицы, а остаться дома. Она стянула майку, замерла перед большим зеркалом и приказала себе смотреть. Даже если не нравится. Даже если образ вызывает боль, страх, и в памяти уже мелькают кровь, и крики, и волчий вой откуда-то издалека... Это с ней было, она это пережила. И, пережив такое, она не имеет права превращаться в идиотку, которая бесцельно мечется по поселку, как курица с отрубленной головой! Нужно следовать плану, сосредоточиться на Шведове и забыть о том, кто сейчас рядом.

Боль привычно помогла: отогнала волнение, заставила снова почувствовать себя сильной. Человеком, который справляется. Тори уже знала, что завтра она будет действовать иначе, она найдет способ подобраться к Шведову и втолковать ему, что своей кровью он откормил огромную жирную пиявку.

Но это завтра, потому что уже поздно и на улице темно. Спать Тори не хотелось, только не после такой встряски. Она решила закрепить успех еще одним проверенным приемом. Воспоминания о прошлом и взгляд в зеркало были ее личным кнутом, теперь же она готовилась выдать себе пряник. Тори хотелось сосредоточиться на настоящем моменте, больше ни о чем не думать, впитывать красоту, чувствовать себя живой, и Малахитовый Лес подходил для этого идеально.

Она отошла от зеркала, больше не глядя на свое отражение, натянула платье с длинными рукавами, колготки и ботинки – искать джинсы было лень, они еще валялись где-то в чемодане. Тори подогрела на кухне молоко, сделала какао, перелила в термокружку и отправилась на прогулку.

Цель была простая: увидеть звезды. В большом городе это редкое удовольствие, особенно когда живешь и работаешь в центре. Фонари скрывают небо, и звезды вроде как есть, но слишком далекие и не для тебя. А Тори помнила ночи на юге, там, где электрический свет смиренно отступал, возвращая первенство ночному небу. Можно было смотреть на него, такое далекое, черный шелк, сияющие алмазы, чувство бесконечности – и бессмертия... Это она искала сегодня – и не без оснований: небо над маленьким поселком должно было оставаться первозданно уютным.

Вот только на улице ее ожидал неприятный сюрприз, даже не один. Рассматривать звезды со двора было неудобно – мешали ветви старых деревьев, бросившие между Тори и небом плотную сеть. На улицах же горели рыжим фонари, красивые, круглые, оформленные под старину – и поднимающиеся примерно на два с половиной метра. Этого света, пусть и не слишком яркого, было достаточно, чтобы слепить глаза при любой попытке посмотреть вверх.

Ну и что ей оставалось делать? Тащиться в лес, темневший вдалеке сплошной стеной? Тори для этого не была достаточно романтична – или безумна. Да и холодный ветер,

проникающий под платье тысячами ледяных игл, дальним прогулкам не способствовал. В этом одна из ловушек весны: дни могут быть настолько теплыми, что ты веришь в раннее лето, а ночью возвращается призрак зимы, скалит клыки, покусывает иногда, и приходят сожаления об оставленной дома куртке.

Все указывало, что прогулка сорвалась. В этом не было ничего страшного, подумаешь, на небо не посмотрела! Однако Тори с удивлением обнаружила, что ей хочется расплакаться. Странная реакция, но по-своему понятная... Капля, переполняющая чашу. Бывают такие дурацкие дни, когда все идет не так, без катастроф, но с мелкими неприятностями, накапливающимися и срывающимися лавиной. Ты борешься с ними, держишься, ты обещаешь себе, что еще чуть-чуть – и все будет хорошо, ты обязательно завершишь день хотя бы маленькой наградой. А потом у тебя эту награду отнимают, и хоть потеря невелика, обидно до слез. Хочется кричать, что это нечестно, но слушать-то некому.

Тори растерянно замерла на ближайшем перекрестке, прикидывая, что делать дальше. Все-таки пройтись по улицам, кое-как согреваясь какао? Или вернуться домой и профилактически поплакать в ванной – ну так, для эмоциональной разгрузки?

Решение она принять не успела, потому что ее окликнул мужской голос – вроде как знакомый, но не из тех, которые мгновенно узнаются.

– Вы выглядите так, как будто потеряли что-то, но сами не знаете что.

Тори растерянно оглянулась по сторонам, однако и улицы, и дворы рядом с ней по-прежнему были пусты. Да и голос звучал странно: вроде близко, но... сверху? С дерева, что ли? Она удивленно посмотрела наверх, за что была мстительно ослеплена фонарем.

– Да здесь я, – пояснил голос. – Можете во двор зайти, даю разрешение, хотя в прошлый раз вы успешно обошлись без него.

Это было подсказкой, которой хватило, чтобы узнать голос. Градов, значит... И что, он теперь гнезда на деревьях вьет, как ворона?

Тори вошла во двор, то и дело косясь на деревья, однако у Градова было куда более комфортное место отдыха – он устроился на террасе второго этажа. Там были установлены плетеные лежаки, один из которых и занял теперь хозяин дома. Он наблюдал за Тори с каким-то усталым равнодушием, сквозь которое сумело пробиться лишь легкое любопытство. Но этого оказалось достаточно, чтобы Градов с ней заговорил.

– Так что вы потеряли? – уточнил он.

– Звезды, – буркнула Тори.

– Что, простите?

– Я надеялась, что хоть за пределами Москвы звездное небо увижу, а тут такой облом. Да, я собиралась стоять и

смотреть на звезды. Странно, да?

Градов только хмыкнул, не ответил ей. Сначала Тори решила, что этот циник просто опять потерял к ней интерес, и без того мелькнувший вспышкой. А потом до нее дошло: он сейчас делает то же самое, что и она. Терраса была построена так, что располагалась как раз чуть выше фонарей, и вряд ли это являлось совпадением. Возможно, Градов и не любовался звездами, однако нет сомнений, что он создал место, где можно позабыть о цивилизации и представить, будто большой город со всеми проблемами взрослой жизни далеко, а тут снова деревня, лето и небо. Даже если не лето и тебе уже не десять лет, небо-то остается, в небе можно обмануться.

Но для Тори это ничего не меняло, стоять в чужом дворе она не собиралась и уже направлялась к выходу, когда Градов снова вспомнил о ней.

– Я могу пустить вас сюда, тут удобней осуществить ваше желание. Условие одно – вы будете молчать и не попытаетесь развлечь меня увлекательным, с вашей точки зрения, разговором.

– Годится! – тут же согласилась Тори. Разговоры с этим типом интересовали ее меньше всего, он не мог быть ей полезен. – У вас снова дверь открыта для всего мира?

Градов чуть приподнялся на лежаке, чтобы выудить из кармана джинсов ключи, и небрежно бросил за пределы террасы. Связка со звоном упала на посыпанную гравием дорожку.

– Заходите, – позволил Градов. – Лестница сразу справа, разуваться не нужно. Про молчание помните?

– Начинаю с этой секунды.

Тори пока не до конца понимала, что ему нужно, но решила проверить. Был еще вариант, что она ошиблась в первой оценке Градова – не сейчас, а в день их встречи в этом доме. Возможно, он уже пьян, он всех вокруг воспринимает как вещи, просто потому что богат. Сейчас начнется неумелый пошловатый флирт, который обернется попыткой завалить Тори на плетеный лежак. И тогда прекраснейший напиток из термокружки придется не выпить, а плеснуть кое-кому в наглуую морду.

Однако Градов определенно не был настроен на злодейства. Когда Тори вошла, он на нее даже не посмотрел. Она заняла самый дальний лежак, так, что расстояние между ней и хозяином дома составляло не меньше трех метров. Но уже там Тори не удержалась и посмотрела на своего неожиданного благодетеля.

Градов действительно не собирался к ней приставать, он выглядел бесконечно уставшим, и эта усталость была ей прекрасно знакома. Так случается, когда приходится сесть за работу в восемь утра, раствориться в проблемах, своих и чужих, цифрах, подсчетах, документах. Ошибках и их исправлении. Злости на тех, кто не способен даже простейшее дело довести до конца. Мыслях, прогнозах, анализе... А потом ты будто просыпаешься, понимаешь, что уже темно, желудок

возмущенно урчит, требуя хоть какой-то еды, губы пересохли от обезвоживания, в голове – гудящая пустота. Мыслей нет, эмоций нет, да и желаний тоже нет. Тори пару раз обнаруживала себя в таком состоянии и просто запретила себе работать настолько много, а вот Градов – нет.

Сегодня они и вовсе были чем-то похожи. Он измотал себя работой, она – постоянным напряжением последних дней. Зато благодаря этому ни одному из них не хотелось светских бесед. Тори позволила себе расслабиться и наконец посмотреть вверх.

Звезды здесь и правда сияли – мелкие, не алмазы, а осколки алмазов. Бриллиантовая пыль. Бесконечное сияние, глубина, которую невозможно рассмотреть до конца, утягивающая, как водоворот. Первобытная: такая же, как сияла когда-то над первыми людьми – и сияла до людей. Позволяющая почувствовать себя частичкой чего-то большего, чем вечная гонка за успехом, то самое «здесь и сейчас», которое так нужно было Тори.

Она наконец почувствовала, как усталость и тревога уходят – туда, в эту черную с белыми искрами воронку. Она улыбнулась, не для кого-то, а просто так, потому что не улыбнуться не получалось. Она по-прежнему чувствовала рядом с собой присутствие другого человека, но оно не тяготило, потому что у него сейчас был свой мир, у нее – свой, и миры эти уживались, не мешая друг другу. Забавное, странное, желанное чувство: хорошо, когда вместе и тихо.

Да, начало ее необычного проекта было неудачным. Однако Тори уже не сомневалась, что с завтрашнего дня все пойдет по-другому.

Глава 6

Когда стало известно, что его брат собирается поселиться в Малахитовом Лесу, Лев обрадовался. Ему казалось, что все понятно и однозначно: Роман понял, что погорячился, и хочет помириться, а просто взять и извиниться гордость не дает. Так что Лев приготовился с царским благородством его простить при первой же попытке поговорить, сделать вид, что ничего не случилось.

Однако что-то пошло не так: время летело, а Роман продолжал его сторониться. Если они случайно пересекались в поселке, брат не здоровался, не кивал даже. Просто бросал один из своих фирменных ледяных взглядов, от которых сразу же портится настроение, и шел дальше. Ну и зачем тогда приехал, если извиняться не готов? Его присутствие раздражало Льва, не давало расслабиться так, как раньше, и даже Дашка не могла его отвлечь.

Дашка вообще ничего не понимала. Она была хороша для прогулок, для совместных фото и для жарких ночей, но любящая попытка поговорить с ней заканчивалась тем, что Льву хотелось кого-нибудь придушить.

Вот и сейчас она смотрела на него с искренним непониманием:

– Да чего ты докопался до своего братца? Он же к тебе не лезет.

– Потому что он не должен так себя вести!

– Он считает, что должен. Ситуация была тупая.

Дашка про секс с Аллой знала. Она к этому относилась совершенно спокойно – и Роману следовало бы! Неужели так сложно понять?

– Он приехал сюда, чтобы наказывать меня своим угрюмым молчанием, – заявил Лев. – Роман прекрасно знает, как меня это бесит.

– А ты не бесись, – назидательно произнесла Дашка. – Сделай вид, что его здесь нет, это не так уж сложно, он к тебе не лезет.

Лев только раздраженно закатил глаза. Как можно не понимать таких примитивных вещей? Ему и не нужно, чтобы Роман к нему лез. Достаточно знать, что брат здесь – и все, прощай, хорошее настроение.

Он держался сколько мог, надеялся на лучшее целую неделю. Ну а потом, в очередной раз увидев брата в кафе, понял: хватит. Нет смысла притворяться, что все в порядке, в эту игру он с детства проигрывал. Он и сейчас уже извелся, а Роман сидит тут, читает что-то с планшета, кофе потягивает... Какого черта вообще?

Решив, что вытерпел достаточно и почти дослужился до звания мученика, Лев подсел за столик к брату. Роман оторвался от планшета, но ничего не сказал, только смотрел со знакомым презрением.

– Так и будешь меня игнорировать? – поинтересовался

Лев. Прозвучало вполне спокойно и уверенно, уже хорошо.

– Что тебе надо?

– Чтобы мы обсудили то, что случилось, если тебе это нужно, или вообще забыли.

– Мне не нужно.

– Значит, забудем?

– И что дальше? – устало поинтересовался Роман. – Обнимемся? Поплачем друг у друга на плече? Ты затаишься до следующей возможности устроить мелкую пакость?

– Это была не мелкая пакость!

– Ты планировал крупную?

– Я планировал тебе помочь, – указал Лев. – Показать, что ей нельзя доверять! Слушай, ну ты же ее даже не любил... Я помню тот день, ты ж не в ярости был, ты, по-моему, даже ржал чуть-чуть...

– Я не ржал, – невозмутимо возразил Роман. – Но и священного гнева не испытывал. Потому что только ты представляешь мир кадрами из фильма, а то и мультика. Страшная измена, красивая картинка, преданный брат – молния пронзает чистое небо. Так это в твоём воображении обычно происходит? Я же обнаружил в своей постели невразумительный комок потных конечностей, из которого доносилось какое-то бульканье и похрюкивание. Реальность не кинематографична.

Лев, который за секунду до этого собирался сделать глоток кофе, так и замер с кружкой у рта, шокированный таким

подходом, не знаящий, что ответить.

Роман же, несмотря на всю абсурдность ситуации, едва сдержал улыбку, прикидывая, выкатятся у брата глаза от возмущения или все-таки удержатся в орбитах. Он прекрасно знал, что Лев склонен драматизировать все без исключения. У каждого поступка, даже самого банального, он искал скрытый смысл, желательно – героический. И каждую сцену он прорисовывал в своем воображении с правильными цветами и светом, возможно, с фоновой музыкой.

А тут его спустили с небес на землю. Это получилось бы совсем уж смешно, если бы не неприятное, ноющее чувство в груди, неизменно возвращавшееся вместе с воспоминаниями о том дне. Роман уже сотню раз напомнил себе, что глупо расстраиваться из-за чего-то столь предсказуемого. Но вспоминать равнодушно пока не получалось, а Льва хотелось не простить, его хотелось приложить самоуверенной рожей об стол. Но оно того не стоило, Роман прекрасно знал, что равнодушие изводит его брата куда сильнее, а вот драка только порадует.

Он уже в детстве на этот трюк попадался, хватит.

Он знал, что Лев даже этот разговор умудрится свести исключительно к собственной персоне. Интересовало его лишь одно: как брат все вывернет на этот раз.

– Ты что, приехал в Малахитовый Лес, чтобы меня изводить? – подозрительно прищурился Лев.

– Преимущественно чтобы долечивать бронхит. Осталь-

ное – бонусы.

– Мы можем просто помириться?

– А ты извиняешься? – удивился Роман. – Насколько я помню, для примирения это обязательное условие. Или что-то изменилось?

– Я? Должен извиняться перед тобой? За то, что тебя от ошибки уберег?

– Разговор окончен. Захочешь извиниться – погугли, как это делается, должно помочь.

– Знаешь что? Да пошел ты!

Роман лишь усмехнулся: вот и еще одна их беседа заканчивается привычно. Лев вскакивает из-за стола и с видом униженным и оскорбленным бежит прочь. Если повезет, будет еще неделю лечить поцарапанную гордость и лишний раз к брату не подойдет.

Лев и правда злился. Ему все произошедшее казалось очевидным, понятным, а значит, недовольство Романа было не более чем мстью. Детский сад какой-то! Придется дать брату еще время на то, чтобы все обдумать и понять, в чем он был не прав. Недели должно хватить.

Домой не хотелось, потому что там Дашка, ей придется рассказывать, что случилось, она обязательно спросит. Если это произойдет прямо сейчас, он и наорать может, поэтому Лев решил прогуляться, успокоиться, привести мысли в порядок.

Обычно Малахитовый Лес со своим покоем и неулови-

мой атмосферой вековой мудрости этому способствовал. Но сейчас никакое весеннее умиротворение не могло защитить от высокого девичьего визга, разрезавшего теплый воздух, рубанувшего по барабанным перепонкам. Искать источник звука долго не пришлось: навстречу Льву бежала девушка лет двадцати, невысокая, пухленькая, казавшаяся огромным белковым пирожным из-за пышного розового платья. Она выглядела испуганной, да и понятно почему: за ней гнался пожилой мужчина, растрепанный, злой и откровенно нетрезвый.

– Люська, закрой рот и вернись! – громыхал он.

– Отстань от меня!

– Я не позволю так со мной обращаться!

– Я делаю что хочу!

Лев невольно поморщился: надо же, какая драма! Дешевая. Для ток-шоу, не для Малахитового Леса. Здесь так себя не ведут, да и эти двое не должны, еще вчера они мирно прогуливались по улицам и со стороны смотрелись как любящая семья. Правда, скорее как дед и внучка, чем как сожители, но... Если девице есть восемнадцать, она сама решает, с кем ей ночевать. Особенно при том, что проживание в Малахитовом Лесу оплачивает именно она.

Девица пронеслась мимо Льва все с тем же оглушительным визгом, который и бензопилу заставил бы сгореть от собственной неполноценности. Сама себе эта девушка наверняка казалась принцессой, спасающейся от дракона.

Со стороны же она напоминала скорее поросенка, который вдруг осознал, что новогодний стол будет радовать не всех.

Ее Лев пропустил мимо, а вот ее преследователя перехватил и без труда швырнул на траву. Это оказалось бы легко в любом случае – побитый временем Ромео был тощим и невысоким. А теперь алкоголь еще и лишал его устойчивости, так что на газоне он задержался.

Тут девице полагалось обрадоваться своему спасению, однако она мгновенно рванулась обратно и заголосила уже по другому поводу.

– Ты что творишь... – начала было она, но запнулась, разглядев, кто перед ней. – Лев Андреевич... ой... а это вы!

– А это я, – согласился Лев. – И я очень трепетно отношусь к вопросу: какого хрена здесь происходит?

– Димочка немного выпил...

– Сейчас одиннадцать утра.

– Вы знаете, он же творческий человек, – доверительно сообщила девица. – Как и я. Мы, творческие люди, живем по немножко другим правилам... Шампанское с утра – это наш ответ серости и предсказуемости!

Лев бросил взгляд на покрасневшего до свекольного оттенка мужчину, неловко пытающегося подняться.

– Он не шампанское пил.

– Да, шампанское пила я, – кивнула девица. Догоняющий звал ее Люськой, но Лев помнил, что полное имя у нее не Людмила, а как-то по-другому. Как именно – ему было все

равно. – А Димочка просто расстроился, он человек страстный, и вот он узнал, что я...

– Так, стоп! – Лев поднял вверх руки, мысленно возводя стену между собой и готовыми выплеснуться на него откровениями. – Я не хочу знать. Просто сделайте так, чтобы ваши ролевые игры никому не мешали.

– Это не ролевые игры! – возмутилась девица. – Это любовь!

– При чем тут вообще любовь?

– Любовь – она разная бывает, не только такая, как угодно вам с вашими надуманными нормами! Иногда любовь – это страсть, боль, тоска. Иногда она кажется деструктивной всем вокруг, но спасает тех двоих, которым была дарована...

Девица продолжала нести какую-то пафосную ерунду, наверняка взятую из сочинений ее пожилого сожителя, но Лев больше не слушал. До него наконец дошло: вот же оно! Любовь.

Похоже, Роман был по-настоящему влюблен в эту свою Аллу. Лев просто не догадался обо всем сразу, потому что на его брата это совсем не похоже – не только любовь, любые сильные чувства. Да и Алла не из тех женщин, в которых влюбляются... Но это с точки зрения Льва. Роман всегда был со странностями. Может, ему как раз требовалась такая: идеально красивая блондиночка, осыпаящая его комплиментами? Может, брат даже верил, что она его любила, Ромка-то женщин не знает толком, мог и повестись... Поэтому теперь

он не пытается отомстить, он по-настоящему страдает. Лев, желая сделать лучше, сделал только хуже, и вот от этого стало стыдно.

Но ведь ничего еще не кончилось, все можно исправить! Эта Алла – не худший вариант. Возможно, недавняя встряска вразумит ее, заставит вести себя правильно. Понятно, что любить Романа она не будет, зато десять раз подумает, прежде чем скидывать трусики в рамках гостеприимства.

Она ведь хочет вернуться – это Лев знал наверняка. Алла уже просила его о помощи, но тогда он ее послал, потому что считал, что брату без нее лучше. Но что, если пухлая девица права? Что, если Роману лучше от такой любви – пусть даже корявой и односторонней? Он ведь серьезный до зевоты, ему нужна покорная женушка, которая станет готовить ему щи-борщи, и парочка детишек, которые будут его обожать любым и бороться за его внимание. Если для этого ему обязательно нужна Алла, да так, что он до сих пор по ней страдает... Это можно устроить.

Лев отвернулся от болтающей о чем-то девицы и направился к своему дому. Люся, конечно, была возмущена, но упрекать его не решилась. Даже до ее замутненного брачными играми сознания дошло: хамить хозяину поселка – очень плохая идея.

Он же позабыл о ней, как только она исчезла с глаз долой. Лев нашел присланный сообщением номер и тут же нажал на кнопку вызова, он не любил долго обдумывать свои планы.

Ответила Алла быстро – как будто все эти дни не выпускала телефон из рук, ожидая звонка.

– Значит так, помириться с братом я тебе помогу, – сказал Лев. – Но действовать будем по-моему, и тебе лучше поднапрячься. Зная тебя, я пока не уверен, что это хорошее решение, так что это будет твой последний шанс, Алла. У тебя одна задача сейчас: сделать его счастливым, постарайся не облажаться.

Глава 7

Музыка струилась из приоткрытого окна искристыми ручьями света. Она невидимой дымкой заполняла воздух, скользила по нежным лепесткам весенних цветов, обнимала полупрозрачные листья, только-только выбравшиеся из почек. Музыка была мягким ветром, распахнутыми птичьими крыльями и яркими сонными бабочками на подушках одуванчиков. Она осторожно касалась тела, проходила сквозь него, вибрировала внутри, унося усталость и страхи, наполняя энергией.

В этом, пожалуй, и таился истинный талант. Тори не считала себя настоящей ценительницей музыки, тонким слухом она не отличалась и точно была не из тех, кто с радостью закупается билетами в оперу и консерваторию. Но здесь она столкнулась с безусловным даром, который нельзя не признать. Музыка, создаваемая Ильей Шведовым, была чем-то большим, чем мелодия. Она рассказывала историю, успокаивала и обещала, что все будет хорошо.

Тори казалось, что мелодии, переданные Никите Немировскому, были талантливы. Но здесь, среди этих вечных лесов, Илья создавал нечто большее, слишком совершенное, чтобы портить это словами. Он, должно быть, и сам это понимал, такие мелодии он никогда своему напарнику не дарил.

Она пришла сюда, чтобы предпринять первую осторожную попытку познакомиться со Шведовым. Тори не была уверена, что это удачная идея, однако ничего лучше пока не придумывалось. Илья забаррикадировался в своем доме, как в крепости, поймать его на улицах оказалось решительно невозможно. Она лишь надеялась, что этим неожиданным визитом не напугает его еще больше.

Но визит пришлось отложить. Добравшись до калитки, Тори услышала мелодию, вырывавшуюся из окна. Девушка застыла на месте, не заходя на участок. Она понимала, что, если Илья ее заметит, музыка запнется и умрет – а ей хотелось дослушать. Поэтому Тори так и стояла у калитки, то и дело закрывала глаза и слушала, слушала...

– Красиво, правда?

Женский голос прозвучал за спиной неожиданно, но не напугал. Он был негромким и мелодичным, он не вырвал Тори из мира музыки, а мягко позвал ее обратно в реальность Малахитового Леса.

Догадаться, что произошло, несложно: Тори долго стояла у калитки, ни от кого не скрывалась, ее легко было заметить со стороны дороги. Вот она и привлекла внимание кого-то из местных.

– Да, я... – начала было она, оборачиваясь. Но когда Тори увидела, кто стоит перед ней, правильные слова захлебнулись, сменившись одним-единственным, куда более искренним и неучтиво громким. – Господи!

Перед ней стояла худенькая девушка, чуть ниже самой Тори. Судя по голосу, молодая – а только по голосу судить и оставалось. Вместо лица у девушки была яркая, расписанная цветами маска. Эта маска сразу же приковывала внимание, поражала, потому что за ней невозможно увидеть ровным счетом ничего, даже глаза скрывались во тьме прорезей. Нет, сама маска была красивой, и все же при первом взгляде крупные розы на ней показались Тори кровавыми пятнами.

Потом наваждение схлынуло, вернулась вежливость, намекавшая, что не нужно взрослой женщине так на людей реагировать. Даже если люди эти устраивают маскарад, как маленькие дети.

– Простите, – смущенно улыбнулась Тори. – Я просто не ожидала...

– Ничего страшного, – заверила ее девушка. – Сначала все так реагируют. Ну, или хуже, доводилось мне слышать менее цензурные слова.

Помимо маски, ничего странного в ее образе не было: высокие легкие сапожки, желтое платье, джинсовая куртка и шарф из тонкой пряжи, скрывающий шею. Длинные волнистые волосы тоже показались Тори обычными, естественного медового цвета. Однако, присмотревшись повнимательней, она убедилась, что это парик, просто очень дорогой.

Эту девушку она раньше не видела – а может, видела, просто без маски.

– Вы новенькая? – уточнила незнакомка.

– Да, я недавно приехала, еще мало кого тут знаю. Я Тори... Виктория.

– Ксения, – представилась девушка. – Никого не знаете, кроме Ильи? Или что вас привело к его дому?

– Музыка, – развела руками Тори. – И больше ничего – но какая еще нужна причина, если есть такая музыка? Я шла мимо, услышала, как кто-то играет, и все, пропала.

– Да, это наш Илья, – кивнула Ксения. По голосу несложно было догадаться, что она улыбается. – Это его магия.

– Простите, вы не могли бы снять эту маску? Она очень красивая, но мне как-то не по себе...

– Боюсь, если я сниму эту маску, вы испытаете нечто похуже простой неловкости. Я ее ношу в медицинских целях.

– Ясно... простите.

Тори хотелось узнать куда больше, однако та наивная скромная девушка, которую она изображала в Малахитовом Лесу, на такие вопросы не решилась бы. Любопытство еще не повод рушить целостность образа, к тому же у нее сейчас были цели поважнее.

– Я бы хотела с ним познакомиться. – Тори кивнула на приоткрытое окно. – С Ильей. Сказать ему, какая у него восхитительная музыка...

– Понимаю, мне тоже когда-то сразу захотелось это сделать. Но сейчас плохой момент.

– Почему?

– Илья, он... специфический. Хороший, просто нужно к

нему привыкнуть и соблюдать определенные правила. Он очень осторожно знакомится с людьми. А когда он играет, к нему лучше вообще никому не подходить, даже знакомым, чужим – тем более. Вы удивитесь, но его это ранит.

– Не удивлюсь: от человека, который способен создавать такую музыку, можно ожидать чего угодно. А вы с ним знакомы?

– Уже да, – кивнула Ксения. – Хотя происходило это медленно и непросто. Я поселилась в Малахитовом Лесу примерно полгода назад, а с Ильей мы начали общаться только в прошлом месяце. И то, думаю, он начал доверять мне чуть быстрее, чем другим, из-за маски. А вы тут надолго?

– Не знаю пока... На месяц точно, а там – как приживусь.

– Месяц – уже неплохо. В гости зайдете? Немножко странно вот так звать, понимаю, но в этом поселке особые порядки, здесь вроде как все свои, даже если кого-то не знаешь.

– Я зайду, конечно!

Ничего странного Тори в этом не находила и рискованным приглашение не считала. В Малахитовый Лес действительно не попадали посторонние, сюда нельзя было просто купить путевку и сразу же завалиться с чемоданами. Токарев не зря предупреждал, что нужны связи. Тори позволили снять коттедж только после проверки ее легенды.

Да и потом, за время изучения поселка она не видела других девушек лет двадцати пяти – тридцати – а именно к этой группе, скорее всего, относилась ее новая знакомая. Види-

мо, Ксения просто соскучилась по ровесницам и решила не упускать возможности пообщаться.

Она жила рядом с домом Ильи Шведова, в соседнем коттедже, устроившемся в кольце из кустов рододендрона. Из-за этого маленький аккуратный домик казался гигантским яйцом, оставленным в уютном гнезде. Это очаровательно смотрелось даже сейчас, а совсем скоро, когда рододендроны зацветут, зрелище будет и вовсе сказочное. По набухшим бутонам Тори уже видела, что цветы разных оттенков – розовые, желтые и белые.

Такое окружение вдохновило бы кого угодно, а для Ксении оно и вовсе оказалось целительным, потому что Ксения была художницей. Об этом и спрашивать было не нужно, ответ встречал любого, кому дозволялось войти в дом. Здесь повсюду висели ее картины – в основном портреты и натюрморты. Яркие, необъяснимо объемные, они напоминали окна в другие миры. Казалось: стоит только подойти поближе, и ты сможешь коснуться этих предметов, позвать этих людей, и они улыбнутся тебе...

Ксения занималась не только живописью. Когда они прошли на кухню, Тори сразу же обратила внимание на старинный шкаф, заполненный расписанными вручную чашками и тарелками. Техника была та же, что и в случае с маской... Да и масок тут хватало: пять из них висели на стене, и Тори не сомневалась, что в доме собрано намного больше.

Но дом Ксения ей не показала, ограничилась кухней, окна

которой выходили как раз на участок Ильи. Усадив гостью за стол, она занялась чаем, а Тори тем временем разглядывала цветы, покрывавшие белый фарфор.

– Маска, значит, тоже фарфоровая? – спросила она.

– Керамика, – уточнила Ксения. – А ты чем занимаешься?

Можно ведь на ты?

– Конечно. Я фотограф, а еще я отныне твой фанат! Но маска эта... ее, наверно, больно носить?

– Нет. Я эти маски делаю сама, с нуля, с учетом анатомии лица, чтобы было не больно.

Ксения так и не призналась, что именно с ней случилось, ограничилась лишь туманным определением «несчастный случай». Зато все остальное она скрывать не стала.

Этот несчастный случай произошел с ней чуть больше года назад. Она, еще недавно красивая, здоровая, счастливая, была вынуждена надеть маску – и учиться совсем другой жизни. Она думала, что приспособится, но у нее никак не получалось. Ее окружение жаждало кровавых подробностей и прямого взгляда на ее уродство, ее не оставляли в покое. Ксения не то что работать – жить не хотела и подумывала о том, чтобы все закончить...

К счастью, это вовремя заметили. Ее отец организовал переезд Ксении в Малахитовый Лес. Поначалу она сочла эту идею дурацкой, но здесь и правда стало легче. За немалые деньги владельцы поселка безупречно выполняли свои обязательства: сюда не мог пробраться ни один журналист. Ну а

местные жители наглостью не отличались и никогда не требовали у Ксении показать лицо.

Да и места эти оказались целительными для художницы. Здешняя красота была сдержанно-величественной, глубокой, заставляющей всматриваться и чувствовать по-новому. Впервые после несчастного случая Ксении захотелось создавать что-то, она почувствовала себя по-настоящему счастливой.

Уезжать она была не намерена. После несчастного случая ее картины стали продаваться куда лучше, чем раньше. Она писала их в Малахитовом Лесу, потом передавала отцу, изредка заезжавшему к ней в гости, а он оплачивал пребывание в поселке.

– Не судьба моей мечты, скажу честно, – глухо рассмеялась под маской Ксения. – Но лучше, чем мне казалось в больнице... Да и психолог здесь неплохой. Лидия Сергеевна зовут. Мы с ней очень много говорили, она мне здорово помогла, она тут все про всех знает. Ты сходи, если нужно будет.

– Обязательно, – жизнерадостно соврала Тори.

Подходить близко к психологу она по-прежнему не собиралась. Хотя вот это «все про всех» запомнила. Такой человек может подсказать ей, как подступиться к Илье, или даже поможет найти *того самого*... Если захочет. Но это вряд ли.

У Ксении она в итоге провела несколько часов, пообедала и заслужила звание хорошего человека, которому стоит

заходить в гости почаще. Тори пообещала этим правом воспользоваться и пригласила новую знакомую с собой на прогулку, но та отказалась.

– Медицинские процедуры, – коротко пояснила Ксения. – Мне это нужно иногда. Но еще встретимся! С Ильей тебя познакомлю, когда он будет в настроении.

– Да, конечно, буду рада!

Хорошо, что Ксения завела об этом речь сама. Так будет проще, когда Тори все же воспользуется ее предложением.

Но произойдет это не сегодня, потому что такое повышенное внимание к случайно обнаруженному неизвестному композитору насторожило бы кого угодно. Тори хотелось побыстрее покончить с навязанным ей заданием и получить долгожданный ответ, но она понимала, что спешить нельзя. Недавняя перезагрузка помогла, она больше не поддавалась эмоциям и не пускала в душу тревогу.

Если Илье ее представит Ксения, это будет гораздо лучше, чем соваться к нему самой. Ей было выгодней подождать, чем все испортить одним махом.

Да и ждать в Малахитовом Лесу несложно. Время здесь шло по-другому, отключенный интернет давал возможность не утыкаться в экран, а смотреть по сторонам. Погода баловала теплом, весенние дни почти не отличались от летних. Тори зашла в свой временный дом лишь для того, чтобы оставить там куртку. Задерживаться внутри она не стала, не было нужды, ее давно уже манил лес, и сейчас появилась от-

личная возможность познакомиться с ним.

Лес и правда казался малахитовым, название придумали удачно. На его территории переплетались все оттенки зеленого – от нежнейшего кремового до темного, почти черного. Первая трава против вечной хвои. Аккуратно разворачивающиеся кружочки березовых листьев против набирающих силу дубовых. Деревья, которые видели так много, что и представить сложно.

В лесу были дороги, однако Тори специально надела высокие ботинки, чтобы идти по парной земле, выпускающей в мир мягкие листики земляники и жесткие веточки черники. Иногда под подошвами пружинил мох, иногда еле слышно хрустели сухие сосновые иглы, нападавшие ковром. Это был незнакомый лес, но похожий на те, в которых она уже бывала. Тори даже порой позволяла себе верить, что она все еще там... Маленькая девочка в красных сапожках, для которой аллея из молодых елочек – лес, а королевские сосны – гиганты, наблюдающие за ней с нереальной высоты. В том лесу она была не одна, она догоняла высокую темную фигуру и увлеченно рассказывала что-то про толстого радужного жука, который жует сыроежку.

Так больше не будет, но обмануться несложно – когда солнце слепит глаза и можно поверить, что там, за сияющими лучами, действительно кто-то есть. Ну и слезы на глаза наворачиваются, конечно, от солнца.

Тори пришла сюда просто так, чтобы окунуться в весну,

как в теплую чистую воду. Цель у ее прогулки появилась куда позже – когда она добралась до старинного дуба и увидела среди его веток, едва тронутых листвой, темное пятно.

Дуб казался высоким, как трехэтажный дом, а пятно оказалось человеком, удобно устроившимся на массивных ветвях. Вид оттуда, должно быть, открывался сказочный – на крепостную стену сосен и лоскутное одеяло полей. Но даже ради бесподобного вида Тори не рискнула бы карабкаться на такую высоту.

– Вы нормальный вообще? – не выдержала она.

– А вы всегда начинаете светскую беседу с хамства? – равнодушно осведомился Градов.

– Простите, не удержалась. А вот вы, пожалуйста, удержитесь, я вас до поселка не дотащу, да и мешка у меня нет, чтобы вас собрать. Но все-таки, почему вы там?

– Потому что площадки для скалолазания в Малахитовом Лесу нет, а форму нужно как-то восстанавливать.

– Вы уверены, что вам уже можно?

Вопрос был неслучайным: Тори оказалась ближайшей соседкой Градова, она то и дело слышала, как он кашляет, сухо и долго. Правда, в последнее время стало получше, но вряд ли врачи разрешили бы ему изнурять себя такими нагрузками.

Это если бы он спросил у врачей разрешения. Тори деньги готова была поставить на то, что он ничего ни у кого не спрашивал.

Градов даже ответить не потрудился, всем своим видом показывая, что Тори его раздражает.

– Ну и кто сейчас хамит? – поинтересовалась она. – Пассивная агрессия – тоже хамство, если что.

– Виктория, вам больше делать нечего? Того, что вы ищите, в этом лесу нет. Точнее, кого.

Тори не собиралась втягивать его в беседу, она готова была ограничиться колкостью и уйти, но теперь Градов ее задел, заставил насторожиться. Неужели он знает?.. Немыслимо, не мог! И про кого именно он знает – про Шведова или *того самого человека?*

– Это еще что должно означать? Злой вы все-таки! – Тори решила надуть губки, все еще притворяясь ранимой наивной фотохудожницей. Вдруг она поторопилась с выводами?

Градов бросил на нее беглый взгляд и укоризненно покачал головой.

– Ай, перестаньте. Хотите сделать свое вранье убедительней – хотя бы камеру с собой таскайте. Но она неудобная и даром вам не нужна, а это уже небрежность.

– Так кого же я, по-вашему, ищу?

– Вы мне мешаете слушать тишину.

– Как насчет того, чтобы ответить?

– Идите куда шли.

Ирония заключалась в том, что теперь ей пришлось бы идти не куда шла, а куда послали. Ходить, куда послали, Тори не любила.

Она прекрасно знала тип людей, к которому относился Роман Градов. В его пренебрежении не было ничего личного, как бы странно это ни звучало. Он искренне считал, что всех видит насквозь, а значит, имеет право быть снисходительным. Самое разумное – не обращать на него внимания, оставить его и дальше сидеть на дереве, как какого-то самопровозглашенного императора белок. А Тори так не могла, потому что ей нужно было знать, известно Роману что-то на самом деле или он просто ляпнул первое, что на ум пришло.

Ради прекрасного вида Тори бы туда не полезла, а вот ради того, чтобы получить ответы, – могла. Это не сложнее, чем спуститься по обледеневшей трубе со второго этажа, на самом-то деле. Может, даже проще: ветки были крепкие и росли часто. Почти то же самое, что подниматься по лестнице, если не боишься высоты. В платье только неудобно, ну да ладно, снизу все равно никого нет.

– Вы что делаете? – нахмурился Градов, когда она подтянулась на ветке.

– А на что это похоже?

– Вы же сорветесь!

– Вы же не сорвались.

– Я не в юбке.

– А вы прям уверены, что юбка к земле тянет? – удивилась Тори. – У вас был неудачный опыт?

– Не паясничайте, здесь метров десять падать!

– Ага, вот поэтому я падать и не собираюсь.

Ворчать Градов мог сколько угодно. Когда Тори единственный раз оступилась и чуть не сорвалась, он скользнул вниз ловко как кот и подал ей руку. Похоже, про скалолазание Роман не соврал, в каждом движении чувствовался опыт, да и страховочный трос у него имелся. Такого Тори от офисного хорька не ожидала. Впрочем, сегодня в спортивном костюме на офисного хорька он был похож меньше всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.